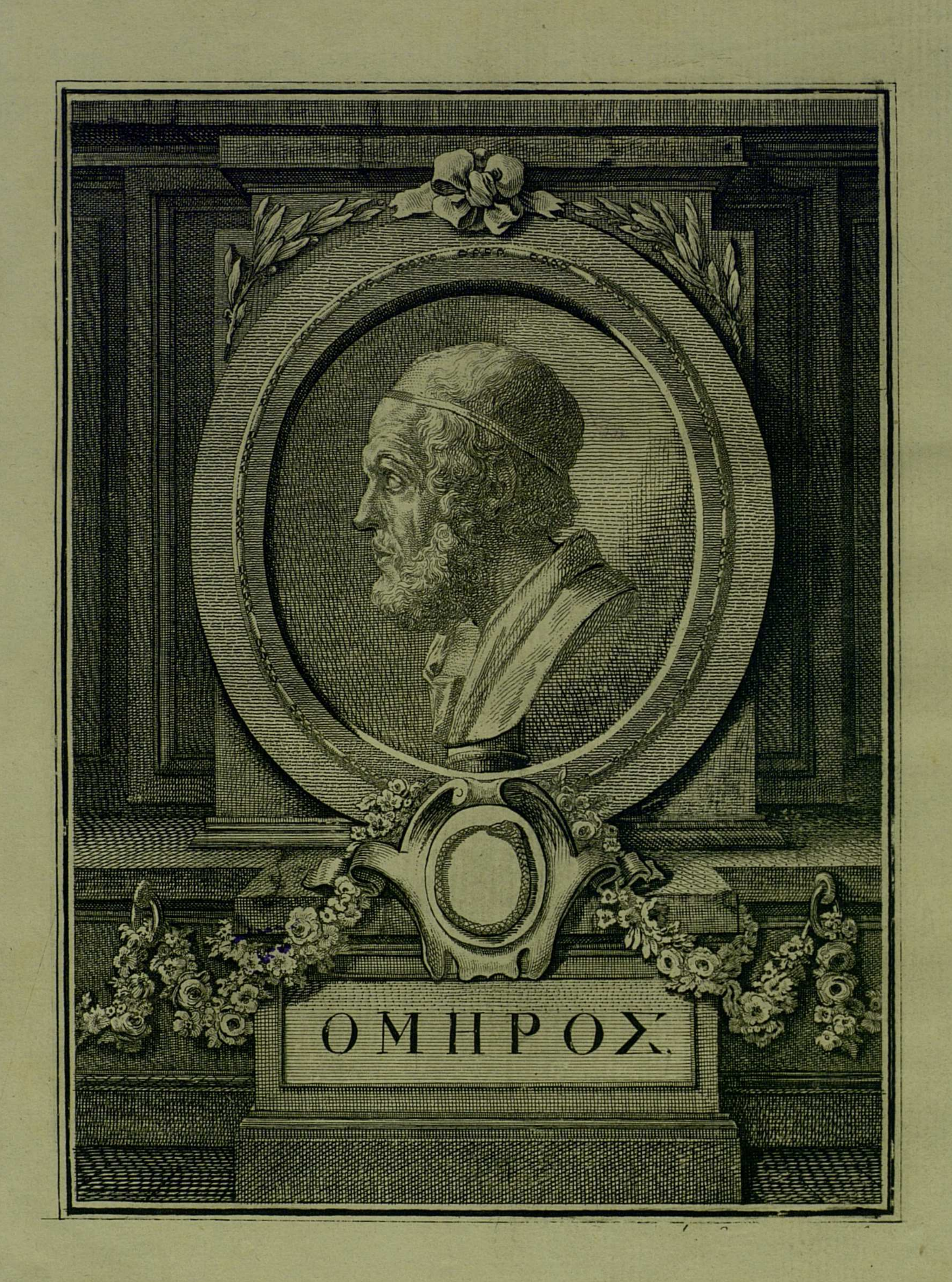

ΟΜΗΡΟΣ.

ГОМЕРОВА
ИЛІАДА
переведенная
Ермиломъ Костровымъ.
ВО ГРАДѢ С. ПЕТРА

ЕКАТЕРИНѢ
ВЕЛИКОЙ.

Средь гласовъ радостныхъ склоняя къ лирамъ слухъ,
Щедротой веселя усердныхъ Россовъ духъ,
Монархиня, позволь, да слава всей Эллады,
Гдѣ зрѣли мудрецы душѣ своей отрады,
Да честь ея Гомеръ въ стихахъ Твоихъ сыновъ
Явясь, найдетъ въ Тебѣ прибѣжище, покровъ!
Въ теченьи дней своихъ воспитанникъ сей Феба
Едвали нелишенъ насущнаго былъ хлѣба;
Нисшедъ во гробъ, онъ сталъ достоинъ олтарей,
Былъ удивленіемъ народовъ и царей.
Исполненъ духомъ Музъ, таинственнымъ предчувствомъ,
Онъ въ пѣснехъ сладостныхъ витійственнымъ искуствомъ
Еще въ свой мрачною покрытый мглою вѣкъ
О славѣ дней Твоихъ, Владычица предрекъ!
Живая кисть его Минерву описуя,
И щитъ Ея и шлемъ очамъ изображуя,
Явила въ истиннѣ Россіянъ божество,
И храбра Сѣвера надъ Югомъ торжество:

Подъ сѣнїю Твоихъ безчисленныхъ Эгидовъ,
Ахилловъ зрѣли мы, Аяксовъ, Дїомидовъ,
Со именемъ небесъ, со именемъ Твоимъ
Стремившихъ молнїю въ Стамбулъ и въ буйный Кримъ:
Твои подвижники преславны, знамениты,
На сушѣ лаврами и на волнахъ покрыты;
Престолъ Твой общею любовью утвержденъ,
И правосудїемъ отвсюду огражденъ;
Лучи премудрости съ высотъ его простерты,
Въ подножїи враги попранны и сотерты;
Взвивающїйся Твой надъ Галлеспонтомъ флагъ,
Есть ужасъ варварамъ, источникъ Грекамъ благъ.
Почїй, Гомеръ, почїй средь лавра и оливы,
Коль вымыслы Твои прїятны, справедливы!
О Россахъ истинно предчувствїе Твое,
Въ ЕКАТЕРИНѢ зримъ его событїе.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Воспой Ахилловъ гнѣвъ божественная муза,
Источникъ Грекамъ бѣдъ, разрывъ межъ нихъ союза,
Сей гнѣвъ, что много душъ Геройскихъ въ адъ предслалъ,
Въ корысть тѣла ихъ псамъ и хищнымъ птицамъ далъ;
Когда Атридъ, и съ нимъ Ахиллъ богоподобной,
Расторгли межъ собой прїязнь враждой всезлобной.
Такъ бурна грома Царь свершалъ судьбу свою.
    Но кто изъ горнихъ силъ возжегъ вражду сїю?
Зевесовъ свѣтлый сынъ Латоною рожденный:
Онъ гнѣвомъ ярости къ Атриду воспаленный
Тлетворной язвой рать Ахейску поразилъ;
Зане Атридъ жреца Хризиса не почтилъ,
Что жалостью влекомъ и чувствїемъ сердечнымъ,
Достигнулъ къ кораблямъ Аргивскимъ быстротечнымъ;
Да знаменитыми дарами и цѣной
Искупитъ дщерь свою низпадшу въ плѣнъ судьбой.
Златый онъ Фебовъ Скиптръ неся въ рукахъ съ вѣнцами,
Усердныя мольбы смиренными устами
Ко Грекамъ простиралъ, а паче къ двумъ Царямъ,
Къ Атридамъ, рати всей начальнѣйшимъ вождямъ:

„Атриды! Греки всѣ красно вооруженны,
„Да населяющи мѣста небесъ священны
„Благоволятъ, чтобъ вы разрушивъ гордый градъ,
„И въ домы возвратясь, своихъ узрѣли чадъ!
„Но мнѣ любезну дщерь вы нынѣ возвратите,
„И дары за ея свободу воспримите,
„Благоговѣйно чтя Зевесовъ славный плодъ,
„Стрѣлами быстрыми разящїй отъ высотъ.
Тогда всѣ прочїе мольбѣ смиренной вняли,
Почтить жреца, и даръ принять совѣтъ давали;
Единъ Агамемнонъ досадой воспылалъ,
Презрѣлъ его, отвергъ и грозно завѣщалъ:
„Берегись при корабляхъ, о старче! сихъ казаться,
„Не медли здѣсь, и впредь къ намъ не дерзай являться:
„Въ вѣнцѣ и скипетрѣ ты бога своего
„Защиты не ищи отъ гнѣва моего:
„Не будетъ дщерь твоя до старости съ тобою,
„Но вѣчно поживетъ въ дому моемъ рабою,
„Полотны разныя изъ мягка ткущи льна,
„И одръ готовя мнѣ въ нощи для сладка сна.
„Бѣги, не раздражай меня своимъ упорствомъ;
„Да смерть не навлечешъ себѣ ты непокорствомъ.
Онъ рекъ, трепещетъ жрецъ, отъ гнѣва прочь течетъ,
Безмолвенъ по брегамъ шумящихъ волнъ грядетъ;

Отшедъ, мольбы лїетъ къ державну Аполлону,
Прославльшему своимъ рожденїемъ Латону:
„О Фебъ! что сребренъ лукъ нося поверхъ раменъ,
„И Хрисъ, и Циллу ввѣкъ блюдешъ отъ злыхъ премѣнъ,
„И въ Тенедосѣ власть божественну являешъ,
„Склони твой слухъ ко мнѣ, какъ ты всегда склоняешъ!
„И естьли я когда благопрїятный храмъ
„Украсивъ, въ честь тебѣ жегъ тучный ѳимїамъ,
„Тельцовъ и козлищей на жертву закалая;
„Желанїе мое исполни! пусть вся злая,
„Пусть Греки понесутъ отъ грозныхъ стрѣлъ твоихъ
„За токи многїе горячихъ слезъ моихъ.

Скончалъ, и кроткїй слухъ къ мольбѣ сей Фебъ склоняетъ;
Онъ гнѣваясь, Олимпъ холмистый оставляетъ,
Прикрытый на плещахъ нося колчанъ и лукъ,
Онъ движется, отъ стрѣлъ исходитъ громкїй звукъ:
Онъ грозно шествуетъ густой нощи подобясь;
И се отъ кораблей вдали возсѣвъ, и злобясь,
Напрягши тетиву пустилъ одну изъ стрѣлъ,
Лукъ сребренъ отъ того сотрясшись зазвенѣлъ.
Тамъ мескъ, тамъ быстрый песъ вначалѣ упадаетъ;
Но послѣ ядъ стрѣлы народы въ гробъ свергаетъ.
Повсюду срубы огнь съ тѣлами пожиралъ:
Чрезъ девять тако дней Фебъ стрѣлы устремлялъ;

Въ десятый день Ахиллъ призвалъ все ополченье,
Во сердцѣ ощутя Юнонино велѣнье:
Стѣснялась горестью сея богини грудь,
Зря Грекамъ всякой часъ отверстъ ко аду путь.
И такъ собравшейся всей бранноносной рати,
Быстротекущъ Ахиллъ воставъ, нача вѣщати:
„Агамемнонъ! я мню, что день тотъ настоитъ,
„Которой въ домы насъ постыдно возвратитъ;
„Коль только можемъ мы избѣгнуть алчной смерти:
„Днесь брань и язва насъ стремятся вдругъ пожерти;
„Вопросимъ убо мы Пророковъ, иль Жрецовъ,
„Иль толкователей ночныхъ различныхъ сновъ;
„Я мню, что смертнымъ сны вливаются богами,
„Вопросимъ, да они провозгласятъ межъ нами,
„Какимъ нечестїемъ Фебъ тако раздраженъ?
„Иль неисполненнымъ обѣтомъ разъяренъ?
„Иль жертва ста тельцовъ въ немъ духъ ожесточила?
„Вопросимъ, да явитъ намъ устъ пророчихъ сила,
„Уже ли козъ воню и агнцовъ ощутя,
„Насъ пощадитъ сей богъ, злу язву прекратя?
Скончавъ сїе, онъ сѣлъ, но свыше вдохновенный
Вдругъ Калхасъ востаетъ пророковъ вождь священный:
Что есть, что будетъ, что прешло, онъ все то зналъ;
Онъ моремъ къ Троѣ флотъ Ахейскїй провождалъ;

Въ устахъ имѣя даръ пророчествъ Фебомъ данныхъ;
Сей Калхасъ съ мудростью вѣщалъ въ полкахъ избранныхъ:
„Ахиллъ! Зевесу ты любезная глава,
„Велишъ, да Фебовъ гнѣвъ явятъ мои слова;
„Я изъясню, но ты клянися предъ богами,
„Что защитишъ меня и силой и устами:
„Я вѣдаю, что мужъ, владыка сихъ полковъ,
„И вождь вождей, моихъ не стерпитъ нынѣ словъ;
„Опасенъ сильный царь разгнѣванный подвластнымъ:
„Хоть не вспылаетъ онъ вдругъ мщенїемъ ужаснымъ;
„Но въ сердцѣ ненависть всезлобну заключитъ,
„Доколѣ местїю ея не истощитъ:
„Зри убо, можешъ ли отринуть рокъ мой строгїй?
Въ отвѣтъ жрецу Ахиллъ вѣщаетъ быстроногїй:
„Дерзай, прорцы намъ все, что вѣдаешъ въ судьбѣ:
„Наперсникъ Зевсовъ Фебъ свидѣтель въ томъ тебѣ,
„Сей Фебъ, къ которому обѣты простираешъ,
„И Грекамъ таинства сокрыты прорицаешъ,
„Свидѣтель, что никто, ниже и самъ Атридъ,
„Которой вышшимъ всѣхъ себя межъ нами чтитъ,
„Тебя здѣсь не дерзнетъ рукой озлобить гнѣвной,
„Доколѣ я въ живыхъ, и буду зрѣть лучь дневной.
Вдругъ непорочный жрецъ вѣщаетъ ободренъ:
„Ни жертвой, ни мольбой Фебъ свѣтлый раздраженъ;

„Но мститъ, и будетъ мстить за честь жреца священна,
„Тобою, о Атридъ! поруганна, презрѣнна,
„И коего ты дщерь въ неволѣ удержалъ,
„И дары за ея свободу не пріялъ:
„Онъ мститъ, и язва въ насъ не прежде прекратится,
„Какъ черноокая дѣвица возвратится
„Въ объятія отца, въ любезныя страны,
„Безъ искупленія, безъ всякія цѣны;
„И жертва ста тельцовъ во Хрисъ да отвезется,
„Тогда, я мню, тогда гнѣвъ Божескій минется.
Онъ рекши тако, сѣлъ: но изъ среды вождей
Пространновластвуяй возникнулъ царь мужей:
Смущенъ, и яростью кипитъ въ немъ сердце злобно,
Кровавой пламени сверкаетъ взоръ подобно:
Онъ грозно око взведъ на старца, возгласилъ:
„Пророче бѣдъ! Что мнѣ ты благо возвѣстилъ?
„Нещастья предвѣщать тебѣ едины сродно,
„Поднесь ты не творилъ, ниже что рекъ угодно:
„И нынѣ твой языкъ среди полковъ гласитъ,
„Что для Хризейды насъ бѣдами Фебъ тягчитъ,
„Котору я отъ узъ не восхотѣлъ избавить:
„Пріятнѣй мнѣ ее въ дому своемъ оставить:
„Хризейду вящше я, чѣмъ Клитемнестру чту
„Принесшу мнѣ на одръ всю дѣвства чистоту;

„Породой, красотой, искуствами, душею
„Она равняется съ супругою моею:
„Но пусть, коль польза въ томъ, Хризейду возвращу;
„Я гибели полкамъ Ахейскимъ не хощу:
„Но вы мнѣ равну мзду готовте для отрады,
„Да не явлюсь единъ межъ вами чуждъ награды:
„Вы нынѣ видите, что я лишаюсь мзды,
„Сеголь достоинъ я за ревностны труды?
Въ отвѣтъ ему Ахиллъ вѣщаетъ знаменитый:
„О гордый паче всѣхъ и прибыльми несытый!
„Что можетъ быть еще тебѣ отъ насъ дано?
„Или сокровище не все раздѣлено,
„Всеобщей храбростью во градѣхъ похищенно?
„Иль должно паки быть оно соединенно?
„Хризейда пусть идетъ къ родителямъ своимъ,
„За то мы мздой тебѣ трикратной воздадимъ,
„Когда поможетъ намъ Зевесъ премилосердый
„Разрушить Трою, градъ толико сильный, твердый.
Но Царь вождей въ отвѣтъ: „Божественный Ахиллъ,
„Сколь ты ни знаменитъ въ насъ крѣпостїю силъ,
„Не тщись меня вводить въ свои коварны сѣти:
„Все тщетно, ты меня не можешъ днесь препрѣти:
„Ты награжденъ, а я пребуду мзды лишенъ?
„И хочешъ разрѣшить прелестной дѣвы плѣнъ?

„Пусть Греки мнѣ дадутъ награду стольже славну,
„Моимъ желаніямъ, трудамъ, побѣдамъ равну:
„А естьли . . . то свою употребляя власть,
„Гряду, и похищу я мзду твою и часть,
„Или Улиссъ ея, или Аяксъ лишится,
„И тотъ, къ кому гряду, тотъ скорьбью оскорбится:
„Но послѣ мы о семъ возможемъ разсуждать;
„Днесь время чернъ корабль на волны ниспускать;
„Да будетъ онъ снабдѣнъ избранными гребцами,
„Для жертвы тучныя обремененъ тельцами;
„Прелестную въ него Хризейду мы введемъ,
„И нѣкій будетъ Князь въ семъ кораблѣ вождемъ,
„Аяксъ, Идоменей, или Улиссъ священный,
„Иль ты, здѣсь ужасомъ всѣхъ вящше ополченный,
„Дабы намъ жертвами ты благость пріобрѣлъ
„Предъ Богомъ мещущимъ въ насъ язву злобныхъ стрѣлъ.
Ахиллъ же вопреки, возведши взоръ свирѣпый,
„О Царь поправшій стыдъ, коварный Царь, нелѣпый!
„Кто впредь восхощетъ власть рѣчей твоихъ внимать,
„Чтобъ сѣть простерть врагамъ, иль храбро въ полѣ стать?
„Или я Тевкрами разгнѣванъ ополчился?
„Ни малымъ зломъ отъ нихъ мой духъ не раздражился;
„Не знаетъ ихъ рука моихъ коней, тельцовъ,
„Ни жатвы Фтійскія, ниже другихъ плодовъ;

„Я раздѣленъ отъ нихъ тѣнистыми горами,
„И многошумными Эгейскими волнами,
„Но чтобъ и ты, и братъ твой кровный былъ отмщенъ,
„Сей страшный нами флотъ на Трою ополченъ;
„А ты безстыдный Царь, ты яко песъ взираешъ,
„Сподвижниковъ твоихъ не чтишъ, пренебрегаешъ;
„Грозишъ ты собственной похитить мзду рукой
„Мнѣ данну Греками за трудный подвигъ мой:
„Я равныя съ тобой прїемлю ли награды,
„Когда Ахейска рать Троянски рушитъ грады?
„Хоть въ брани сей моихъ всѣхъ больше хвальныхъ дѣлъ;
„Но естьли долженъ быть сокровищамъ раздѣлъ;
„Ты большу часть берешъ, я меньшей удостоенъ,
„Отъ брани утомясь, иду въ шатры спокоенъ;
„Но нынѣ лучше я во Фтїю возвращусь,
„И несомнѣнною уже надеждой льщусь,
„Что ты, презрѣвъ меня съ ругательствомъ тиранскимъ,
„Не будешъ отягченъ сокровищемъ Троянскимъ.
Но Царь мужей изрекъ Ахиллу сей отвѣтъ:
„Бѣги отъ насъ, бѣги, коль гнѣвъ твой духъ влечетъ;
„Я не прошу, да здѣсь пребудешъ ты со мною:
„Героевъ много есть готовыхъ рушить Трою,
„И чтить меня во всемъ, а паче самъ Зевесъ
„Державной дланїю поможетъ мнѣ съ небесъ;

„Въ его питомцахъ ты мнѣ всѣхъ несноснѣй зришся,
„Всегда къ сраженїямъ, и къ распрямъ ты стремишся:
„Ты храбръ, ты мужественъ, но Божїй даръ сїе:
„Спѣши со флотомъ въ домъ, въ отечество свое,
„И въ Мирмедонянѣхъ державствуй, позволяю,
„Тебя, и тщетный твой я гнѣвъ пренебрегаю.
„Когдажъ благоволилъ Хризеиду Фебъ отнять,
„Не спорю, и готовъ ее къ отцу послать
„На кораблѣ моемъ съ подвижники моими,
„Но я къ тебѣ гряду, и самъ руками сими
„Драгую мзду твою Бризеиду похищу,
„И симъ, сколь я тебя сильнѣй, явить хощу;
„Да прочїе вожди злорѣчны быть страшатся,
„И мнѣ покорствовать тобою научатся.
Онъ рекъ: Ахилла гнѣвъ объемлетъ зѣльный вдругъ,
Волненьми бурными колеблется въ немъ духъ,
Извлечь ли острый мечь, и не страшась героевъ,
Атрида поразить, разторгши сонмы строевъ;
Или стремленїе свирѣпства укротить,
И пламень ярости внезапной угасить:
Въ сомнѣнїяхъ его толикихъ духу сущу,
И шумный изъ ноженъ ему свой мечь влекущу,
Минерва съ небеси превыспренння грядетъ,
Бѣлораменыя Юноны внявъ совѣтъ,

Котора сихъ вождей любя равно, хранила,
Грядетъ, и съ тылу ставъ, Ахилла ухватила
За блещущи власы, бывъ зрима одному,
И не являяся изъ прочихъ никому.
Ахиллъ оцепенѣлъ, обращшись зритъ Палладу,
Взоръ пламенный его еще являлъ досаду;
Онъ рѣчь стремительно къ Богинѣ обратилъ:
,,О ты, котору Зевсъ державный породилъ!
,,Почто сюда твой духъ стопы твои направилъ?
,,Иль зрѣть, какъ царь мужей меня здѣсь обезславилъ!
,,Но я тебѣ реку, и мню, что то свершу,
,,Что гордость я его, главой его отмщу.
Голубоокая Минерва отвѣщаетъ,
,,Чтобъ гнѣвъ твой укротить, что грудь твою терзаетъ,
,,Коль повинешся мнѣ, снишла я отъ небесъ,
,,Совѣтомъ послана Юнониныхъ словесъ:
,,Вы оба ей равно любезны, драгоцѣнны;
,,О вашихъ днехъ ея труды всегда отмѣнны:
,,Скончай вражду и прю, меча не извлекай,
,,Однимъ злорѣчїемъ, сколь хощешъ ты, отмщай:
,,Реку тебѣ, и знай, слова мои свершатся,
,,Прїидетъ часъ, когда трикратной мздой потщатся
,,Тебя за днешнюю обиду наградить,
,,Покорствуй мнѣ, потщись ты ярость укротить.

Ахиллъ отвѣтствуетъ взаимно сей Богинѣ:
,,Хотя я раздраженъ, поруганъ зрюся нынѣ,
,,Но свято твой совѣтъ я долженъ соблюдать,
,,Кто слушаетъ боговъ и тщится имъ внимать,
,,Того мольбѣ ихъ слухъ благопріятно внемлетъ.
Онъ рекъ, и тягостной десницы не отъемлетъ
Отъ страшнаго меча; но внявъ Богини рѣчь,
Онъ во влагалище стремитъ сей грозный мечь:
Минерва шествуетъ въ Зевесовы чертоги,
Гдѣ сей державный Царь, и прочи были боги.
Но яростью еще Пелеевъ сынъ дышалъ,
И съ симъ злорѣчіемъ Атрида укорялъ;
,,Виномъ стягченный царь, безстыдный царь, кичливый,
,,Ты взоромъ песъ, елень ты сердцемъ боязливый,
,,Дерзалъ ли въ полѣ ты быть самъ вождемъ полкамъ,
,,Иль съ прочими князьми устроить сѣть врагамъ?
,,Никакъ: ты все сіе путемъ быть къ смерти чаешъ,
,,И въ томъ единственно утѣхи обрѣтаешъ,
,,Чтобъ, въ Греческихъ шатрахъ достойной мзды лишать
,,Дерзающа тебѣ, стязуясь, прерѣкать;
,,Женоподобнымъ ты рабамъ здѣсь предводитель,
,,И для сего ихъ кровь піеши, какъ мучитель,
,,А естьлибъ царствовалъ въ Героѣхъ и мужехъ,
,,Тобъ днешня злость была послѣднею для всѣхъ;

„Реку тебѣ, и рѣчь симъ скиптромъ утвердится,
„На коемъ листвїе и вѣтвь не отродится
„Съ тѣхъ дней, какъ на горахъ отъ древа отдѣленъ,
„Коры, и отраслей зеленыхъ обнаженъ,
„И днесь въ рукахъ носимъ Ахейскими сынами,
„Которымъ порученъ законъ и судъ богами,
„Сей скипетръ клятвою священной чтится мной,
„Свидѣтельствуюсь имъ, клянуся предъ тобой;
„Что нѣкогда о мнѣ всѣ Греки возрыдаютъ,
„И ополченна зрѣть съ собою возжелаютъ;
„Скорбя и сѣтуя ты не поможешъ имъ,
„Когда представятся они очамъ твоимъ
„Десницей Гектора свергаясь въ бездну ада:
„Твой духъ, и грудь твою стѣснитъ печаль, досада,
„Что несравненнаго въ Героехъ не почтилъ,
„Защиту Греческихъ полковъ уничижилъ.
Онъ рекъ: и скиптръ гвоздьми украшенный златыми
Повергъ на землю вдругъ, и сѣлъ съ вождми другими.
Атрида къ ярости гнѣвъ пагубной влечетъ:
Но се отъ ихъ среды витїя востаетъ,
То самъ Пилоскїй Царь, то Несторъ прозорливый,
И былъ языкъ его, языкъ сладкорѣчивый,
Глаголъ прїятнѣе для всѣхъ, чѣмъ медъ и сотъ:
Уже онъ зрѣлъ другой прешедшїй смертныхъ родъ,

Рожденныхъ прежде съ нимъ въ Пилосѣ чудномъ славой;
Но третій оныхъ родъ цвѣлъ подъ его державой:
Сей Царь витійствуя простеръ къ нимъ мудрый гласъ:
„О коль велико зло и плачь постигнетъ насъ!
„Возвеселится же Пріамъ и всѣ съ нимъ чада,
„И прочи жители его надменна града,
„Узнавъ враждебный гнѣвъ и распрю двухъ вождей,
„Отличныхъ разумомъ и храбростью своей!
„Но стару сущу мнѣ вы юный слухъ прострите,
„И мой спасительный совѣтъ для васъ внушите:
„Еще бо древле я съ вождми бесѣду велъ,
„Которымъ равныхъ здѣсь въ геройствѣ не обрѣлъ;
„Однако и они меня не презирали,
„И пользы словъ моихъ отнюдь не отвергали:
„Поистиннѣ не зрѣлъ, и не узрю по гробъ
„Толико бодрственныхъ, безтрепетныхъ особъ,
„Какъ Пиритой, Дріатъ народовъ пастырь славный,
„Эксадій и Кеней, богамъ Полифимъ равный,
„И небожителямъ подобный въ нихъ Тезей:
„Се цвѣтъ избраннѣйшій изъ всѣхъ земныхъ мужей!
„Но сколько мужествомъ они ни прославлялись;
„Не меньше съ храбрыми противники сражались:
„Со горными звѣрьми вели кроваву брань. *
„И сопостатовъ сихъ низвергла въ прахъ ихъ длань:

* Гомеръ означаетъ здѣсь войну Лапитовъ съ Центаврами.

,,Толико съ чудными и славными мужами
,,Я прежде вкупѣ жилъ, цвѣтя еще лѣтами;
,,Оставя свой Пилосъ, внимая прозьбѣ ихъ,
,,И дальный путь сверша для нихъ отъ странъ моихъ;
,,Я слабость юныхъ силъ равнять ихъ силамъ тщался,
,,Когда въ сраженіяхъ ужасныхъ обрѣтался.
,,И ктобъ изъ человѣкъ, какіе нынѣ суть,
,,Противу ихъ посмѣлъ въ кровавый бой дерзнуть?
,,И чтожъ? Сіи вожди въ мои младыя лѣты
,,Внимали съ кротостью отъ устъ моихъ совѣты:
,,Пріемля ихъ въ примѣръ, внушите вы мой гласъ:
,,Сіе спасительно для Грековъ и для васъ.
,,Атридъ! хоть силенъ ты здѣсь властью багряницы;
,,Ахилла не лишай прелестныя дѣвицы,
,,Отъ Грековъ данную ему остави мзду;
,,А ты, Пелеевъ сынъ, возложъ на гнѣвъ брозду,
,,И прясь, Царю вождей не тщися быти равенъ:
,,Отъ вѣка я не зрѣлъ, чтобъ Царь скиптродержавенъ
,,Столь много, сколь Атридъ, былъ славенъ и почтенъ;
,,Ты среброногою Богинею рожденъ,
,,И паче всѣхъ межъ насъ ты мужествомъ прославленъ,
,,Но онъ множайшимъ вождь и Царь странамъ поставленъ.
,,Атридъ! остави месть, я кроткою мольбой
,,Ахилла убѣжду, да гнѣвъ скончаетъ свой:

„Въ пагубоносной сей войнѣ, войнѣ кровавой
„Онъ служитъ Грекамъ всѣмъ щитомъ, оплотомъ, славой.
Но вождь Агамемнонъ изрекъ ему въ отвѣтъ:
„Глаголъ твой, старче, благъ, и равно благъ совѣтъ;
„Но князь сей вышшимъ всѣхъ межъ нами быти тщится,
„Повсюду властвовать, повелѣвать стремится;
„Не мню, чтобъ кто изъ насъ хотѣлъ ему внимать,
„Дабы себя его законамъ подвергать:
„Иль вѣчны божества ему давъ сильну крѣпость,
„Хотятъ, чтобъ онъ являлъ въ злословїи свирѣпость?
Отвѣтомъ рѣчь сїю Пелеевъ сынъ пресѣкъ:
„Я подлымъ бы себя, ничтожнымъ бы нарекъ,
„Когдабъ отнынь твоей я былъ послушенъ волѣ;
„И такъ не мнѣ, другимъ будь Царь и здѣсь и въ полѣ:
„Тебѣ я не хощу покорствовать ни въ чемъ,
„Реку, и мой глаголъ блюди въ умѣ своемъ:
„Съ тобой, иль съ прочими за дѣву не сражуся,
„Въ награду мнѣ дана, и пусть ее лишуся;
„Но въ корабляхъ моихъ изъ всѣхъ другихъ вещей,
„Не возмешъ ничего сверхъ воли ты моей;
„Коль хощешъ, испытай, всѣхъ Грековъ предъ очами
„Польется кровь твоя на семъ копьѣ струями.
Такъ прясь востали вдругъ, скончавъ враждебный споръ,
Посемъ разрушился и сонма ихъ соборъ.

Ахиллъ въ шатры свои оттолѣ поспѣшаетъ,
Патроклъ его съ друзьми другими провождаетъ:
Атридъ же быстръ корабль на море ниспустилъ,
Стотельчной жертвою его обременилъ,
Хризейду самъ въ него лѣполаниту вводитъ,
И двадесять гребцовъ въ него избранныхъ входитъ;
Вождемъ для нихъ избранъ Улиссъ совѣта полнъ.
Уже они плывутъ по влагѣ шумныхъ волнъ.
Атридъ полкамъ гласитъ: очиститеся вскорѣ;
И очищалися, свергая скверны въ море,
Неукрощаемыхъ на берегу валовъ
На жертву фебу жгли сто козлищъ, сто тельцовъ.
Воня средь дымныхъ тучь на небо востекала.
Такъ жертву рать въ шатрахъ закланну совершала.
Но мщеніе Атридъ еще въ груди питалъ,
Которымъ въ сонмѣ онъ Ахиллу угрожалъ:
Талтивій ревностный, и Эврибатъ нелестный
Его посланники, его слуги всемѣстны
Внимали льющимся отъ устъ его рѣчамъ:
„Вы нынѣ шествуйте къ Ахилловымъ шатрамъ,
„Бризейду взявъ, ко мнѣ немедля приведите,
„Коль не дозволитъ онъ, вы праздны отъидите,
„Я воевъ съ множествомъ похитить самъ гряду,
„Тѣмъ вящшій стыдъ ему и скорби наведу.

Онъ рекъ со властью имъ, и далъ завѣты строги,
Они погружены въ печаль и грусти многи,
По брегу шествуютъ гордящихся зыбей;
Ѳессальскихъ наконецъ достигши кораблей,
Ахилла предъ шатромъ, при кораблѣ зрятъ черномъ,
Сѣдяща въ горести, въ унынїи безмѣрномъ;
Веселїя, узрѣвъ онъ ихъ, не ощутилъ;
И санъ и видъ его стопы ихъ воспятилъ;
Благоговѣйный страхъ и ужасъ въ нихъ вселяетъ,
Стоятъ, и провѣщать языкъ ихъ не дерзаетъ:
Недоумѣнїе пословъ умомъ своимъ
Ахиллъ проразумѣвъ, глаголетъ тако къ нимъ:
„Намъ возвѣщающи Зевесовы уставы,
„И смертныхъ вѣстники, да будете вы здравы!
„Приближтесь, вы ни въ чемъ невинны предо мной;
„Единъ Агамемнонъ творецъ мнѣ скорби злой,
„Пославшїй васъ, дабы похитить юну дѣву:
„Благорожденный другъ Патроклъ, уступимъ гнѣву,
„Бризейду изведи, предай ее посламъ;
„Но вы да будете свидѣтелями намъ
„Предъ родомъ смертныхъ всѣхъ, предъ вѣчными богами,
„Предъ яростнымъ Царемъ и буимъ межъ вождями,
„Восхощутъ ли когда моихъ зрѣть крѣпость силъ,
„Дабы я тучу бѣдъ отъ Грековъ отвратилъ?

„Атридъ свирѣпствуетъ, умъ здравый погубляя,
„Предтекшее забывъ, и впредь не созерцая
„Не зритъ полезныхъ средствъ, дабы Ахейска рать
„Могла безбѣдственно противныхъ отражать.
Онъ рекъ, и внутрь шатра Патроклъ немедля входитъ,
Лѣпообразную Бризейду онъ изводитъ:
Пріявъ ее послы, спѣшатъ въ обратный путь,
Она грядетъ, но скорбь ея терзаетъ грудь.
Отъ ратниковъ Ахиллъ своихъ на брегъ отшедши,
Уединенный взоръ на червленъ понтъ возведши,
И длани вознося, токъ слезный проливалъ,
Сыновнія мольбы къ Ѳетидѣ простиралъ:
„Богиня, коль тобой рожденъ я кратковѣченъ!
„Но ежели мой вѣкъ толико быстротеченъ,
„Не долженъ ли меня гремящій отъ небесъ
„Прославить и почтить державный самъ Зевесъ?
„Но что! я имъ забвенъ, я нынѣ имъ оставленъ:
„Я днесь Царемъ вождей поруганъ, обезславленъ:
„Возмездіе моихъ трудовъ въ его рукахъ;
„Онъ самъ его отъялъ Ахейцовъ при очахъ.
Такъ рекъ Ахиллъ слезя, но мать его священна,
Сѣдяща близъ отца сѣдинами почтенна,
Въ пещерахъ безднѣ морскихъ мольбѣ его вняла,
И се изъ волнъ морскихъ, какъ облако, изшла:

И сѣдши близъ, его со нѣжностью объяла,
И ласковой его рукою поглаждала;
Глаголетъ наконецъ: „Возлюбленный мой сынъ!
„Что плачешъ, для какихъ твой духъ скорбитъ причинъ?
„Прорцы, да будетъ мнѣ извѣстенъ рокъ твой строгій.
Со стономъ ей Ахиллъ вѣщаетъ быстроногій:
„Сама ты вѣдаешъ о всей моей судьбѣ,
„Такъ нужноль повторять извѣстное тебѣ?
„Осадой окружа мы Ѳивы, градъ священный,
„Гдѣ Гетеонъ тогда державствовалъ надменный,
„Разрушили его, низвергли въ прахъ земли,
„Богатствъ обиліе сюда мы все снесли,
„И Греческимъ сынамъ достойно раздѣлили;
„Во мзду Царю вождей Хризейду присудили;
„Но чтожъ? и се по томъ Хризисъ ея отецъ,
„Стрѣлами отъ высотъ разяща Феба жрецъ,
„Природы слыша гласъ, и чувствій гласъ сердечныхъ,
„Достигнулъ кораблей Ахейскихъ быстротечныхъ,
„Да знаменитыми дарами и цѣной
„Искупитъ дщерь свою низпадшу въ плѣнъ судьбой.
„Златый онъ Фебовъ скиптръ неся въ рукахъ съ вѣнцами,
„Усердныя мольбы смиренными устами
„Ко Грекамъ простиралъ, а паче къ двумъ Царямъ,
„Къ Атридамъ, рати всей начальнѣйшимъ вождямъ.

,,Тогда всѣ прочїе мольбѣ смиренной вняли,
,,Почтить жреца, и даръ принять совѣтъ давали;
,,Единъ Агамемнонъ досадой воспылалъ,
,,Отвергъ его, презрѣлъ, и съ гнѣвомъ угрожалъ.
,,Отшелъ отъ насъ Хризисъ, и гнѣвъ его объемлетъ;
,,Но Фебъ его любя, ему съ Олимпа внемлетъ,
,,И ядоносныя онъ стрѣлы въ рать стремитъ;
,,Летятъ, и съ ними смерть во всѣ шатры летитъ.
,,Но Калхасъ намъ открылъ, что бѣдствїй сихъ виною:
,,Я первый далъ совѣтъ, чтобъ къ общему покою
,,Немедля отвратить сей страшный Фебовъ гнѣвъ;
,,Какъ вдругъ отъ словъ моихъ Атридъ разсвирѣпѣвъ
,,Восталъ, отрыгнулъ мнѣ угрозы неисчетны,
,,И се они свершась, явилися нетщетны.
,,Хризейда бо во Хрисъ къ родительской землѣ
,,Съ Ахейцами плыветъ на быстромъ кораблѣ,
,,И съ нею посланы для Феба славны дары,
,,Но яростный Атридъ угрозы помня яры,
,,Предъ симъ часомъ ко мнѣ пославъ своихъ пословъ
,,Отъялъ, что мнѣ дано во мзду моихъ трудовъ:
,,И такъ, коль можешъ ты, яви мнѣ помощь славну,
,,Ты взыди на Олимпъ, и тамъ громодержавну
,,Зевесу ревностны мольбы о мнѣ пролей:
,,Ты, можетъ, нѣкогда сему Царю Царей

„Своею силою, совѣтомъ помогала:
„Я часто бо слыхалъ, какъ ты хвалясь, вѣщала
„Въ чертогахъ находясь у моего отца,
„Что Зевса черныхъ тучь и облаковъ творца
„Изъ вѣчныхъ жителей пречудныхъ, горнихъ свѣтовъ
„Едина ты спасла отъ гибельныхъ навѣтовъ;
„Когда съ Юноною, съ Минервой, Царь валовъ
„Умыслили его, устроивъ хитрый ковъ,
„Низвергнуть, заключить суровыхъ узъ во крѣпость;
„Но ты къ нему пришедъ расторгла ихъ свирѣпость,
„Для столь ужаснаго и злобнаго часа
„Сторукаго призвавъ Гиганта въ небеса,
„Что Бріареемъ ликъ безсмертныхъ называетъ,
„Но Эгеономъ родъ здѣ сущій нарицаетъ;
„Онъ вящшей, чѣмъ Нептунъ,* былъ силой облеченъ.
„Близъ Зевса онъ возсѣлъ ужасенъ и надменъ;
„Его безсмертные узря, вострепетали,
„Отъ начинаній злыхъ и пагубныхъ престали.
„И такъ спѣши сей рокъ Зевесу въ мысль вперить,
„Колѣна обыми, и тщись мольбой склонить,
„Да укрѣпитъ Троянъ съ небесъ всемочной дланью,
„И Грековъ проженетъ къ шатрамъ кровавой бранью

---

* Нептунъ былъ отецъ Бріарея.

„Дабы вкушали плодъ ума вождя вождей,
„И пусть сей гордый вождь въ надменности своей
„Безумiе свое съ прискорбiемъ познаетъ,
„Коль перваго въ полкахъ Героя презираетъ.
„Любезный сынъ! рекла Ѳетида, слезы лья:
„Въ золъ часъ ты мной рожденъ, нещастна жизнь твоя;
„И такъ нетщетноль ты воспитанъ мною сыне?
„О естьлибъ ты безъ слезъ, безъ всякой скорби нынѣ
„При черныхъ корабляхъ имѣлъ спокойной вѣкъ:
„Зане твой близокъ рокъ, день смерти недалекъ!
„Но что! се жребiй твой и купно краткодневенъ,
„И купно паче всѣхъ злощастенъ и плачевенъ!
„Увы! почто ты мной въ чертогахъ порожденъ,
„Коль яростью судебъ на бѣдства осужденъ?
„На холмы я возшедъ Олимпа многоснѣжны,
„Къ Громодержателю пролью мольбы прилѣжны;
„Онъ, можетъ, къ намъ простретъ благопрiятный слухъ;
„Но ты при корабляхъ питая гнѣвомъ духъ,
„Пребуди въ тишинѣ, и отъ кровавой брани
„Побѣдоносныя сдержи отнынѣ длани.
„Вчера бо Зевсъ и съ нимъ всѣхъ прочихъ ликъ боговъ
„Къ предѣламъ Понтовыхъ * гордящихся валовъ

* Здѣсь должно разумѣть полуденный Океанъ. См. Страбона Книг. 1.

„Отшелъ на пиршество ко Еѳїопамъ чернымъ,
„Хранящимъ правый судъ, нелестнымъ, кроткимъ, вѣрнымъ;
„Въ дванадесятый день отъ нихъ прїидетъ вспять;
„Тогда я поспѣшу предъ взоръ его предстать
„Въ чертогахъ на мѣди блестящей утвержденныхъ,
„И тамъ къ нему пролью мольбы отъ устъ смиренныхъ;
„Его священныя колѣна объиму;
„И мню нетщетну быть моленїю сему.
Такъ рекши, скрылася Ѳетида въ шумны бездны,
Оставя сыну гнѣвъ и равно скорби слезны,
Которы чувствовалъ внутрь сердца своего,
Прелестной мзды лишась отъятой отъ него.
Но се во Хрисъ корабль Улиссовъ достигаетъ,
И въ многоглубное пристанище вбѣгаетъ;
Отъемлютъ вѣтрила, на чернъ корабль кладутъ,
И мачту во свое влагалище влекутъ,
Канатами ее поспѣшно ниспуская;
Потомъ же крѣпость рукъ на веслы напрягая
Спѣшатъ, касаются желаемыхъ бреговъ,
И мещутъ якори во глубину валовъ,
И прикрѣпивъ корабль къ столпамъ, на брегъ исходятъ,
На жертву Фебу сто тельцовъ драгихъ изводятъ.
Съ волносѣкущаго нисшедшу корабля
Хризейду радостно зритъ отчая земля:

Улиссъ ее ведетъ ко олтарю священну,
И въ руки предаетъ родителю почтенну,
Вѣщая такъ ему: „Хризисъ! днесь царь мужей
„Послалъ меня къ тебѣ со дщерїю твоей,
„И чтобъ я жертвами духъ Фебовъ тако гнѣвный,
„Наведшїй Грекамъ зло и рокъ многоплачевный,
„Ко щедрой благости смиренно преклонилъ.
Онъ рекъ, и дщерь ему любезную вручилъ.
Хризисъ ее прїялъ со радостью утѣшной;
Но Греки съ ревностью прехвальной и поспѣшной
Порядy ставятъ вкругъ изяшна олтаря
Стотельчный Фебу даръ, усердїемъ горя.
Уже они отъ скверпъ и длани омываютъ,
И съ солїю ячмень для жертвъ уготовляютъ.
Хризисъ возноситъ гласъ со воздѣяньемъ рукъ:
„О Фебъ, ты на плещахъ имѣя сребренъ лукъ,
„И Хрисъ, и Циллу самъ преславно защищаешъ,
„И въ Тенедосѣ власть божественну являешъ,
„Ты прежде кроткїй слухъ къ мольбѣ моей склонилъ,
„Почтилъ меня, и рать Ахейску поразилъ,
„Такъ равно мнѣ вонми съ Олимпа въ днешне время,
„Избавь Ахейское отъ язвы лютой племя!
  Скончалъ, и Аполлонъ въ благопрїятный часъ,
Съ пресвѣтлой высоты внушилъ мольбы сей гласъ.

Ячменемъ съ солïю тельцы уже святятся,
Главы ихъ съ выями подъяты къ небу зрятся,
Уже ихъ кровь течетъ по острïю ножа:
Потомъ со тщанïемъ тѣла ихъ обнажа,
Дебелы стегна ихъ немедля отсѣкаютъ,
И тукъ въ сугубый рядъ на оны возлагаютъ,
Поверхъ его кладутъ мяса частей другихъ.
Хризисъ на пламени древъ тонкихъ и сухихъ
Всесожигаетъ ихъ со трепетомъ обычнымъ,
Кропленье теплое творя виномъ приличнымъ;
Ликъ юношей младыхъ вблизи его стоялъ,
И петизубные рожны въ рукахъ держалъ;
Когдаже пламенемъ всѣ лядвïя истнились,
И Греки отъ утробъ вкусивши, усладились;
Останки прочихъ мясъ на части раздробивъ,
На острые рожны ихъ тщательно вонзивъ,
Готовятъ въ снѣдь огнемъ, рачительно имъ внемлютъ,
И зря въ готовности съ рожновъ искусно снемлютъ;
Скончавъ сïи труды, устроить пиръ спѣшатъ,
Гдѣ сердце питïемъ и брашномъ веселятъ:
Всѣ равенствомъ частей они довольны были;
По семъ какъ гладъ уже и жажду утолили;
Цвѣтущи юностью вино въ сосуды льютъ,
И всѣмъ на пиршествѣ чредою подаютъ,

Но послѣжде чрезъ все оставшееся время
Всѣ тщатся отвратить небесна гнѣва бремя,
Въ честь Фебу хвальну пѣснь и радостну поя:
Сей Богъ веселый слухъ склонилъ на гласъ ея.
Нисшедшу солнцу въ понтъ, явилась область ночи,
И сонъ при кораблѣ сомкнулъ Аргивцевъ очи.
Наутрїе, когда возникла въ мїръ заря,
И персты розовы простерла на моря,
Къ шатрамъ сподвижниковъ готовятъ путь обратный:
Самъ Фебъ даетъ имъ вѣтръ поспѣшный и прїятный;
Подъемлютъ мачту вверхъ, и вѣтрилъ бѣлизна
Распростирается на ней разширена.
Уже Эоловъ рабъ во среднїй парусъ вѣетъ,
Вкругъ дна у корабля шумя волна сѣдѣетъ,
Но онъ съ отважною поспѣшностью течетъ,
И носа остротой хребты валовъ сѣчетъ;
Уже они полковъ Ахейскихъ достигаютъ,
И чернъ корабль на брегъ песчаный возвышаютъ,
И бревна крѣпкїя подъ низъ его стремятъ,
Посемъ же разлучась въ шатры свои спѣшатъ.
Межъ тѣмъ Пелеевъ сынъ, Герой сей именитый
Сидѣлъ при корабляхъ печальной мглой покрытый,
Онъ къ ужасу враговъ не исходилъ на брань,
Ниже въ совѣтъ, гдѣ мужъ прїемлетъ славы дань;

Бездѣйственъ, грустію и скорбію терзался,
Желаніемъ къ войнѣ кровавой устремлялся.
Но се денницы блескъ прогнавши мрачну тѣнь,
Ведетъ на горизонтъ дванадесятый день:
Безсмертныхъ ликъ боговъ на свѣтлый холмъ восходитъ,
Зевесъ предшествуя, стопы ихъ самъ предводитъ;
Ѳетида духъ нося мольбы сыновней полнъ,
Возникла вдругъ съ зарей сѣдыхъ изъ бездны волнъ;
Течетъ на высоту Олимпа всѣмъ священна,
И тамъ боговъ отца узрѣвъ уединенна,
На вышшемъ изъ холмовъ сѣдяща одного,
Возсѣла тщательно лицемъ къ лицу его;
И святость шуйцею колѣнъ его объемля,
Десной подбрадіе держа, и взоромъ внемля,
Смиренно изрекла изъ глубины души:
„Державный царь царей мольбу мою внуши!
„И естьли я тебѣ иль вещію, иль словомъ
„Полезна быть могла въ нещастіи суровомъ;
„Плодъ чрева моего имущъ кратчайши дни
„Щедротою твоей почтить не укосни:
„Атридъ, сей гордый вождь, исполненъ злостна яду,
„Безчестіемъ его пронзилъ, отъявъ награду;
„Но ты, отецъ щедротъ правитель небеси,
„Прославь его, Троянъ побѣдой вознеси;

,,Да Греки тщась избыть отъ пагубы грозящей,
,,Прибѣгнутъ всѣ къ нему, вѣнчаютъ честью вящшей.
Рекла, но грома Царь, сгуститель облаковъ
Безмолвенъ пребывалъ на высотѣ холмовъ;
Ѳетида отъ колѣнъ руки не отвлекала,
Еще его, еще смиренно умоляла:
,,Исполни, Царь судебъ, желанїе мое,
,,И даждь божественъ знакъ на дѣйствїе сїе,
,,Или отринь мольбу; чего тебѣ страшиться?
,,Вѣщай, да возмогу познать и утвердиться,
,,Сколь много паче всѣхъ богинь нещастна я.
Со тяжкимъ вздохомъ Зевсъ изрекъ на гласъ ея:
,,Съ Юноной враждовать ты Зевса убѣждая
,,Коль въ бѣдственъ рокъ влечешъ, колика строишъ злая!
,,Она злословїемъ меня преогорчитъ:
,,Зане и безъ вины досадою тягчитъ
,,Въ присутствїи боговъ она меня по волѣ;
,,Глася, что я Троянъ щажду на ратномъ полѣ.
,,Но ты съ небесъ гряди, быть зрима ей брегись,
,,Мольбу твою свершу, надеждой укрѣпись;
,,Я вѣрности въ залогъ дамъ знакъ тебѣ главою,
,,Сей знакъ печать свята обѣтовъ данныхъ мною;
,,Нетщетно, истинно, не превращу во лжу,
,,Не возвратимо все, что онымъ покажу.

Онъ рекъ, и черными бровями помаваетъ,
Безсмертныя главы власами потрясаетъ,
Отъ колебанія священныхъ сихъ власовъ,
Потрясся весь Олимпъ, и вѣчныхъ нутрь холмовъ.
Скончали свой совѣтъ: Богиню съ круга звѣздна
Глубородительна въ себя пріяла бездна.
Зевесъ грядетъ въ чертогъ, и се безсмертныхъ ликъ
Во срѣтенье отцу съ сѣдалищей возникъ:
Сидя срѣтать его грядуща всякъ страшится,
Но всѣ востали вдругъ, на стрѣчу всякъ стремится.
Вошелъ, и на престолъ незыблемый возсѣлъ,
Юнона усмотрѣвъ, что онъ совѣтъ имѣлъ
Со среброногою супругою Пелея,
Злорѣчивы уста отверзла, гнѣвомъ тлѣя:
„Хитрѣйшій всѣхъ боговъ, о чемъ, и кто еще
„Съ тобою днесь совѣтъ устроилъ невотще?
„Всегда свои, всегда намѣренья скрываешъ,
„И втайнѣ отъ меня судьбы располагаешъ,
„По волѣ ничего ты мнѣ не открывалъ,
Что ты премудростью своей опредѣлялъ.
Боговъ и смертныхъ царь вѣщаетъ ей противу:
„Хоть ты супруга мнѣ, отрини мысль кичливу:
„Не льстися ты мои совѣты всѣ познать:
„Ты бремени сего не можеши подъять.

„Но что узнать тебѣ, и что внимать совмѣстно,
„То прежде всѣхъ боговъ и смертныхъ будетъ вѣстно;
„А естьли что начну, отъ васъ сокрывшись втай,
„Того не испытуй, о томъ не вопрошай.
Но лѣпоокая отвѣтствуетъ Юнона:
„Что реклъ еси о мнѣ, о! страшный сыне Крона?
„Не тщалась проницать я тайностей твоихъ,
„И не смущала тя вопросами о нихъ;
„Спокойно мыслишъ ты, по волѣ предпрїемлешъ,
„Моихъ препятствїй нѣтъ, своимъ законамъ внемлешъ;
„И нынѣ точїю страшусь, смущая духъ,
„Дабы Ѳетида твой не обольстила слухъ;
„Къ судьбѣ противной мнѣ не привлекла мольбою;
„Зане въ часъ утреннїй возсѣла предъ тобою,
„Объемлюще твоихъ величество колѣнъ,
„И мню, что давши ей главою знакъ священъ,
„Ахилла хощешъ ты вознесть, прославить честью,
„Ахейску рать въ шатрахъ губить Троянской местью.
Но грома царь въ отвѣтъ: „о коль нещастна ты:
„Всегда спѣшатъ въ твой духъ сомнѣнїя мечты!
„Тебѣ намѣренья мои всегда примѣтны,
„Чтожъ можешъ ты успѣть? твои усилья тщетны;
„Супружнїй только гнѣвъ чрезъ то къ себѣ влечешъ,
„И симъ въ нещастїе горчайшее течешъ.

„Коль истинно, чѣмъ днесь могла ты оскорбиться,
„Такъ знай, угодно мнѣ, хощу тому свершиться.
„Возсяди, умолчи, блюдися прeслушна быть:
„Весь ликъ боговъ тебя несиленъ свободить;
„Коль тяжкихъ рукъ моихъ необорима крѣпость
„Простреться, чтобъ смирить словесъ твоихъ свирѣпость.
Онъ рекъ, трепещетъ вдругъ богиня умолча,
Возсѣла, гнѣвну страсть внутрь сердца заключа:
Но прочихъ сѣтуетъ боговъ соборъ священный:
И се Вулканъ, въ своемъ искуствѣ несравненный
Простеръ къ нимъ гласъ, дабы въ грудь матери своей
Спокойствіе излить, и угодить предъ ней:
„Се грозны дѣйствія и бѣдства нестерпимы!
„За смертныхъ вы въ сей день вражды неукротимы
„Сплетая межъ собой, смущаете боговъ:
„И кая будетъ намъ пріятность отъ пировъ,
„Когда и здѣсь добро отъ зла преодолѣнно?
„Тебѣ, о мать боговъ, совѣтую смиренно,
„(Хотя твой свѣтлый умъ не требуетъ того,)
„Склоняй покорностью супруга своего
„Да паки зѣльный гнѣвъ его не возгорится,
„И наше пиршество въ печаль не обратится,
„Молніеносный сей отецъ съ сѣдалищъ сихъ
„Низринуть можетъ насъ силъ крѣпостью своихъ;

,,Утѣшь его, склоняй ты лестными рѣчами,
,,Мгновенно озаритъ насъ кроткими очами.
Свершивъ глаголъ, восталъ и матери своей
Онъ чашу подаетъ, вѣщая тако ей:
,,Ты въ бодрость облекись, печаль преоборая;
,,Страшусь, да не при мнѣ тебя постигнутъ злая:
,,Скорбя, не возмогу тебѣ я помощь дать;
,,Зане, коль пагубно съ Зевесомъ въ брань вступать!
,,И древле бо мене, спасать тебя, готова
,,За ногу взявъ, повергъ стремглавъ съ небесна крова:
,,Эѳира по зыбямъ я цѣлый несся день:
,,Когдаже мрачная простерлась ночи тѣнь,
,,Я палъ на островъ Лемнъ, и духъ едва имѣя,
,,Но Синтяне* меня подъяли, сожалѣя.
Умолкъ, она отвѣтъ усмѣшкою даетъ,
И чашу отъ руки сыновнія беретъ.
Посемъ Вулканъ начавъ отъ стороны десныя
Подноситъ Нектаръ всѣмъ, изъ чаши лья драгія.
Взирая на него спѣшаща для утѣхъ,
Небесны жители подъяли громкой смѣхъ.
Свершился цѣлый день въ семъ пиршествѣ изяшномъ,
Доволенъ каждой былъ музыкою и брашномъ:

* Имя первыхъ жителей острова Лемна.

Сладчайшей лиры Фебъ во струны ударялъ,
И хоръ чистѣйшихъ Музъ премѣнно воспѣвалъ.
Когдажъ Титановъ блескъ въ сѣдыхъ волнахъ сокрылся,
То всякъ для сладка сна въ то мѣсто удалился,
Гдѣ каждому Вулканъ, сей хромоногій Богъ
Пречудной хитростью сооружилъ чертогъ.
Зевесъ течетъ къ одру, гдѣ сонъ его пріятный
И прежде принималъ во узы ароматны;
Восшелъ на одръ, возлегъ, простерлась кротка мгла,
Златопрестольна съ нимъ Юнона возлегла

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Всенощно ликъ Боговъ и смертныхъ сонмы ратны
Вкушали сладости спокойствія пріятны;
Единъ Зевесъ, единъ нимало не почивъ,
О средствахъ разсуждалъ, всѣ мысли устремивъ;
Да како бы вѣнчать Ахилла и прославить,
Ахейску рать въ шатрахъ мечу враговъ оставить.
Впослѣдокъ онъ сіе благоволилъ избрать,
Чтобъ вредный, ложный Сонъ къ Атриду въ сѣнь послать:
И такъ призвавъ, гласитъ: „Творецъ мечтаній вредныхъ,
„Аргивцевъ къ кораблямъ лети съ высотъ безбѣдныхъ,
„И вшедъ къ Атриду въ сѣнь, рцы все вождю сему,
„Что я тебѣ реку, чтобъ возвѣстить ему:
„Вѣщай, чтобъ всѣ полки онъ въ брань извелъ кроваву,
„Увѣрь, что днесь Троянъ разрушитъ градъ и славу,
„Что небожители согласны межъ собой,
„Преклонены къ тому Юнониной мольбой,
„И что послѣднихъ золъ Троянамъ ровъ отверзся.
Онъ рекъ, внимаетъ Сонъ, и въ путь уже простерся.
Достигши, какъ стрѣла Ахейскихъ кораблей,
Вступилъ немедлѣнно въ шатеръ вождя вождей;

И зря сего царя глубокимъ сномъ стягченна,
Пріемлетъ станъ и видъ онъ Нестора почтенна,
Котораго Атридъ всѣхъ паче уважалъ;
Въ семъ видѣ надъ главой Царевой ставъ, вѣщалъ:
„Ты спишъ, ты спишъ всю нощь вѣнчанный сынъ Героевъ,
„Но должноль тако спать Царю толь многихъ строевъ,
„Носящему яремъ совѣтовъ и трудовъ?
„Внемли, я посланъ днесь къ тебѣ отцемъ боговъ,
„Который отстоя далече, призираетъ,
„И жалостью къ тебѣ благоутробной таетъ;
„Велитъ тебѣ на брань устроить всѣ полки;
„Падетъ бо сильный градъ въ сей день отъ ихъ руки;
„Зане безсмертны въ томъ согласны межъ собою,
„Убѣждены къ тому Юнониной мольбою:
„Послѣднихъ бѣдствъ ударъ на Трою вознесенъ,
„Но тщись, да мой глаголъ пребудетъ незабвенъ,
„Когда съ твоихъ очей мракъ сонный отрясется.
Онъ рекъ и прочь летитъ, Атридъ же остается
Въ пріятныхъ помыслахъ, но ложныхъ, яко тѣнь:
Мечталъ бо твердый градъ низвергнуть въ днешній день;
Безумный! Зевсовыхъ не вѣдалъ начинаній
Хотящихъ облакомъ печалей и стенаній
Покрыть еще Троянъ и Грековъ на поляхъ:
Мечтая такъ, отъ снаросталъ, и се, о страхъ!

Мнитъ зрѣть еще Атридъ видѣніе небесно,
Еще мнитъ слышать гласъ вѣщающій чудесно.
Восталъ, возсѣлъ, и вновь сошвенъ хитонъ надѣлъ,
Гдѣ тонкость съ бѣлизной пречудною онъ зрѣлъ;
Потомъ себя во блескъ порфиры облекаетъ,
Изяшествомъ плесницъ онъ ноги украшаетъ;
Сребромъ блистающъ мечь съ раменъ его виситъ,
Десницу скипетромъ онъ праотцевъ тягчитъ:
Сей скиптръ во племени его блистаетъ вѣчно,
Онъ съ нимъ грядетъ къ шатрамъ Ахейскимъ быстротечно.
Уже течетъ заря Олимпа въ высоту,
Богамъ и Зевсу дня несуща красоту.
Глашатаямъ велитъ Атреевъ сынъ мгновенно,
Да Грековъ призовутъ въ собраніе священно.
Они гласятъ, и рать съ поспѣшностью течетъ;
Межъ тѣмъ Агамемнонъ составилъ благъ совѣтъ
У Нестора въ шатрѣ съ избранными вождями,
И тако имъ вѣщалъ премудрыми устами:
„О друзи! въ нощь сію небесный сонъ я зрѣлъ,
„Онъ Несторовъ и гласъ и видъ и станъ имѣлъ,
„И ставши надъ главой, вѣщалъ мнѣ: „Сынъ Героевъ!
„Ты спишъ, но должноль спать Царю толь многихъ строевъ,
„Носящему яремъ совѣтовъ и трудовъ?
„Внемли, я посланъ днесь къ тебѣ отцемъ боговъ.

„Который отстоя далече, призираетЪ,
„И жалостью кЪ тебѣ благоутробной таетЪ;
„ВелитЪ тебѣ на брань устроить всѣ полки,
„ПадетЪ бо сильный градЪ вЪ сей день отЪ ихЪ руки:
„Зане безсмертны вЪ томЪ согласны межЪ собою,
„Преклонены кЪ тому Юнониной мольбою;
„ПослѣднихЪ бѣдствЪ ударЪ на Трою вознесенЪ;
„Но тщись, да мой глаголЪ пребудетЪ незабвенЪ.
„ОнЪ рекЪ, и отЪ меня крилѣ вЪ полетЪ направилЪ;
„Я ложе мягкое и сладкїй сонЪ оставилЪ.
„ЗримЪ убо, какобы всѣхЪ ГрековЪ ополчить;
„Я прежде ихЪ потщусь словами искусить,
„Обратно вЪ отчество бѣжать повелѣвая;
„Вы тщитесь воспящать, противу мнѣ вѣщая.
То рекши онЪ, возсѣлЪ, но Царь ПилосскихЪ странЪ
ВосталЪ, отверзЪ уста, и мудростью вѣнчанЪ
ГлаголетЪ имЪ: „Вожди, и мужїе совѣтовЪ!
„Когдабы сна сего, небесныхЪ сихЪ обѣтовЪ
„БылЪ удостоенЪ кто другой изЪ всѣхЪ вождей;
„ОтверглибЪ мы его, и все почлибы лжей;
„Но се тотЪ чудный сонЪ зрѣлЪ Царь вождей избранный;
„ЗримЪ убо, какЪ возжечь огонь вЪ АргивцахЪ бранный.
Кончая НесторЪ рѣчь, изЪ сонма вонЪ грядетЪ,
СоборЪ другихЪ Князей подобно востаетЪ,

И повинуется вождю Агамемнону;
Стекается и рать уже въ минуту ону.
Какъ пчелы межъ собой въ рои соединясь,
И сонмомъ сонму въ слѣдъ изъ горъ крутыхъ стремясь,
Летятъ къ цвѣтамъ, летятъ на поле злакомъ лестно,
И раздѣляются безчисленны всемѣстно:
Такъ рать изъ кораблей во слѣдъ за строемъ строй
Течетъ въ собранїе Геройскою ногой.
Божественна Молва среди полковъ летаетъ,
Сей Ангелъ Зевсовъ въ путь стопы ихъ понуждаетъ;
Спѣшатъ, и вопль и шумъ нося въ устахъ своихъ,
Садятся, и земля подъ тяжестїю ихъ
Вздыхаетъ, стонетъ брегъ, несется крикъ ужасно,
И девять вѣстниковъ взываютъ громогласно,
Да укротятся всѣ, и слушаютъ вождей.
Возсѣлъ народъ, умолкъ, и се ихъ Царь мужей
Восталъ, имѣя скиптръ, Вулканъ гдѣ хитрость славну
Явилъ, и далъ его Царю громодержавну,
Но скиптромъ симъ Зевесъ Эрмїя наградилъ,
Сей храбру всаднику Пелопсу подарилъ,
Пелопсъ Атрею далъ, Атрей же кровну брату
Тїесту, множествомъ рогатыхъ стадъ богату,
Впослѣдокъ же Тїестъ Агамемнону далъ,
Чтобъ всей Аргоской онъ землею обладалъ,

На многи острова простерши власть велику.

На немъ опрясь Атридъ вѣщалъ Героевъ лику:
„Питомцы Марсовы, Элладскихъ честь племенъ!
„Колико въ бѣдственъ ровъ я Зевсовъ низведенъ!
„Неложный прежде знакъ мнѣ далъ сей Богъ жестокїй,
„Что въ домъ я возвращусь, разрушивъ градъ высокїй,
„Но се устроивъ лесть, велитъ сей богъ боговъ
„Бѣжать мнѣ вспять, лишась толь многихъ здѣсь полковъ.
„Но что! угодно такъ его всевышней волѣ:
„Онъ многи крѣпости повергъ въ плачевномъ долѣ;
„Повергнетъ и еще: не имать бо конца
„Могущество и власть сего боговъ отца.
„Коликой стыдъ для насъ въ потомственные вѣки!
„Безчисленны мы здѣсь и мужественны Греки
„Съ безсильнѣйшимъ врагомъ воюемъ безъ плода,
„И толь еще далекъ конецъ сего труда!
„Зане, когдабы мы со гордыми врагами
„На время примирясь чрезъ клятвы предъ богами,
„Изчислили себя, и рать Троянъ однихъ,
„И естьлибъ наконецъ себя противу ихъ
„Въ десяточисленны мы сонмы раздѣлили,
„И сонмы каждому изъ нихъ опредѣлили
„Мы виночерпїя для пиршествъ и утѣхъ;
„Кленусь, не стало бы Троянъ для сонмовъ всѣхъ.

„Толь Греки въ множествѣ Дарданцевъ превышаютъ!
„Но сихъ враговъ полки союзны защищаютъ,
„Они преграда мнѣ во всемъ, они претятъ
„Разрушить Иліонъ, благополучный градъ,
„Реченны Зевсомъ намъ лѣтъ девять пролетѣли,
„Согнили корабли, канаты всѣ истлѣли,
„Насъ младость женъ и чадъ уже къ себѣ зоветъ,
„Возврату нашего ихъ нѣжный пламень ждетъ;
„А мы коснимъ въ войнѣ, свершиться неимущей.
„И такъ, да внемлемъ всѣ судбѣ насъ въ домъ влекущей;
„Бѣжимъ въ отечество на быстрыхъ корабляхъ;
„Надежды нѣтъ для насъ низвергнуть Трою въ прахъ.
Онъ рекъ, и къ бѣгству чернь сердца свои подвигла,
Вѣщаній бо его и мыслей не постигла.
Какъ Нотъ и Эвръ летя изъ тяжкихъ облаковъ,
Сгущенныхъ въ воздухѣ самимъ Царемъ боговъ,
Высокихъ волнъ хребты на Икарійскомъ морѣ
Подъемлютъ съ яростью, шумя въ противномъ спорѣ;
Иль какъ Зефиръ въ поля Церерины стремясь,
И класовъ на главахъ съ продерзостью носясь,
Колеблетъ, зыблетъ ихъ, и низу преклоняетъ:
Такъ рѣчію Атридъ собраніе смущаетъ.
Волнуяся полки несутся къ кораблямъ,
Отъ ногъ же бурный прахъ восходитъ къ облакамъ,

Другъ друга нудятъ всѣ, желаньемъ къ бѣгству полны,
Чтобъ тягостны суда низвесть на горды волны,
Подпоры кораблей уже спѣшатъ отъять,
И рвы для скату ихъ стремятся очищать.
Восходитъ къ небу крикъ; и въ день сей, въ день смятеній
Побѣглабъ рать противъ небесныхъ изреченій;
Но Ира вдругъ стремитъ къ Аѳинѣ сей глаголъ:
„О дщерь имущаго незыблемый престолъ!
„Что се! иль тако Грекъ въ жилища вожделѣнны
„Побѣгнетъ со студомъ, боря валы надменны?
„Оставитъ ли врагамъ въ корысть и торжество
„Елену, свѣтлое земное божество,
„Подвергшу Грековъ тьмы смертямъ при Троѣ злостнымъ?
„Спѣши, стремись, лети къ Аргивцамъ броненоснымъ,
„И кротостью словесъ въ нихъ каждаго прельщай,
Суда на волны влечь премудро воспящай.
Рекла: богиня ей голубоока внемлетъ,
И быстрый путь съ небесъ къ Аргивцамъ предпріемлетъ.
И се достигла къ нимъ, и зритъ, что Одиссей
Толь славный мудростью сколь горній царь царей
Стоитъ, и съ брега свой корабль не движетъ черный;
Объяла бо его печаль и гнѣвъ безмѣрный.
Приближившись къ нему богиня такъ речетъ:
„Улиссъ, носяща въ устахъ и многъ и благъ совѣтъ,

„Что се! иль тако вы въ жилища вожделѣнны
„Стремитесь въ корабляхъ боря валы надменны?
„Останетсяль врагу въ корысть и торжество
„Елена, свѣтлое земное божество
„Подвергша Грековъ тьмы пить чашу пагубъ злостныхъ?
„Внемли, спѣши въ полки Ахейцовъ шлемоносныхъ,
„И кротостью словесъ ихъ бѣгство прекрати,
„Суда на волны влечь премудро воспяти.
Рекла: онъ гласъ ея позналъ и поспѣшаетъ,
И ризу верхнюю на землю съ плечь свергаетъ,
Глашатай же его, ему текущій въ слѣдъ,
Иѳакскій Эврибатъ подъявъ ее несетъ.
Улиссъ спѣшитъ, и ставъ въ пути Атриду встрѣченъ,
Пріемлетъ скиптръ его, сей скиптръ бязсмертенъ, вѣченъ;
И съ симъ течетъ къ полкамъ на брегъ, и тамъ узря
Благоразумнаго вождя, или царя,
Увѣщевалъ его и кротко и спокойно:
„Герой! тебѣ ли быть во ужасѣ достойно?
„Здержи свой бѣгъ, и чернь потщися укрощать,
„Не бо еще ты могъ цареву мысль понять:
„Вѣщалъ онъ рѣчь къ полкамъ, ихъ бодрость испытуя,
„Онъ скоро дерзость ихъ накажетъ наказуя:
„Не всѣ мы вѣдаемъ, что онъ въ совѣтѣ рекъ,
„И такъ не долженъ ли страшиться каждой Грекъ,

„Чтобъ зла не пострадать отъ праведнаго гнѣва?
„Тяжка и пагубна подвластнымъ месть царева!
„Атрида честїю вѣнчаетъ самъ Зевесъ,
„Онъ щитъ ему, покровъ всемѣстный отъ небесъ.
Когда же вопилъ кто изъ черни въ буйствѣ яромъ,
Онъ грозной рѣчїю и скипетра ударомъ
Кротя, гласилъ: „возсядь нещастной и внимай,
„И лучшимъ тя во всемъ покорный слухъ склоняй:
„Ты слабъ, ты подлъ, твои не мужественны длани·
„Ничтоженъ ты всегда въ совѣтахъ и на брани.
„И како можемъ здѣсь царями всѣ служить?
„Многоначальствїе не можетъ благо быть;
„Единъ да будетъ царь и вождь всего языка
„Ему же Кроновъ сынъ судебъ и царствъ владыка
„Вручилъ законъ и скиптръ во знакъ своихъ щедротъ.
Такъ властвуя Улиссъ смирялъ мятежныхъ родъ.
Вторично изъ шатровъ летѣть въ собранье тщатся,
Ихъ шумъ, есть шумъ валовъ, что сонмами стремятся
Сражать недвижный брегъ, но въ камнѣхъ разразясь
Отзывны громы въ Понтъ несутъ, еще ярясь.
Уже возсѣли всѣ, безмолвїе лїется;
Но велерѣчивый единъ Ѳерситъ мятется.
Сей гнусный грубостью, хулой всегда дышалъ
И съ гордостью царямъ безстыдно пререкалъ:

И все, чѣмъ рать на смѣхъ онъ мнилъ когда подвигнуть,
То все отъ скверныхъ устъ старался вдругъ отрыгнуть.
Онъ въ безобразіи подобныхъ не имѣлъ,
Былъ хромъ, остроголовъ, единымъ окомъ зрѣлъ;
Согбенны рамена и въ грудь глубоко впалы,
Сѣдыхъ власовъ едва остатки зрѣлись малы:
Его злословіемъ и грубостью рѣчей
Всѣхъ паче былъ разимъ Ахиллъ и Одиссей;
Но въ днешнемъ сонмѣ онъ, пронзая слухи крикомъ,
Атрида поносилъ язвительнымъ языкомъ;
Негодованіе и гнѣвъ въ полкахъ горитъ,
Но сей юродливой не зря на то кричитъ:
„Атридъ! о чемъ еще скорбишъ, чего желаешъ?
„Въ шатрахъ сокровища несчетная скрываешъ,
„Премного женъ тебѣ избранныхъ мы даемъ,
„Коль нѣкій вражій градъ разрушимъ въ прахъ мечемъ;
„Иль злата жаждешъ ты, дабы его изъ града
„Трояне принесли, да ихъ любезны чада
„Моей или другихъ плѣненные рукой
„Избавятся отъ узъ и отъ напасти злой?
„Иль нова плѣнница нужна изъ дѣвъ прекрасныхъ
„Во удовольствіе забавъ твоихъ всечасныхъ?
„Ты царь, но долженъ ли здѣсь всуе мучить рать?
„О стыдъ! Коль слабы мы! и что могу сказать?

„Уже не Греки мы; Гречанки боязливы,
„Побѣгнемъ въ отчество, и пусть сей Царь кичливый
„Познаетъ, здѣсь своихъ наградъ снѣдая плодъ,
„Мы нужны ли ему въ защиту и оплотъ:
„Ахиллъ всѣхъ вышшїй мужъ и лаврами вѣнчанной
„Лишенъ недавно имъ, награды нами данной
„И жаль, что кротокъ онъ, о гнѣвѣ нерадитъ,
„Иначе бы престалъ злотворцемъ быть Атридъ.
Сїи хулы Царю изрекъ Ѳерситъ нелѣпый
Но съ яростью Улиссъ возведши взоръ свирѣпый
И устремясь къ нему грозящу рѣчь простеръ:
„Витїя буйственный, крикливый изувѣръ,
„Не пререкай вождямъ единъ, и будь въ покоѣ,
„Зане изъ всѣхъ мужей пришедшихъ къ гордой Троѣ
„Не мню кого еще тебя ничтожнѣй быть,
„И тако о царѣхъ брегися ты гласить.
„Поносныхъ укоризнъ противу ихъ блюдися
„И къ бѣгству назирать ты случаевъ не тщися:
„Никто же вѣсть изъ насъ, отъидемъ како въ домъ,
„Со славою, или съ безчестьемъ и стыдомъ.
„Ты вопишъ на Царя, что мы Герои сильны
„во мзду ему даемъ сокровища обильны;
„Но что онъ отъ тебя прїялъ, кромѣ хулы?
„Ты ядъ лїешъ на все достойное хвалы.

„И такъ кленусь, и въ томъ являюся непремѣненъ,
„Коль будешъ впредь, какъ днесь безуменъ, дерзновененъ;
„Пусть врагъ съ моихъ раменъ ссѣчетъ главу мечемъ,
„И Телемаковымъ да незовусь отцемъ;
„Коль я схвативъ тебя не обнажу до нага
„Чтобъ розгами тебѣ отмстилася отвага,
„Ты изъ собранія постыдно мной изгнанъ,
„Побѣгнешъ къ кораблямъ слезя отъ рабскихъ ранъ.

То рекши, буйнаго онъ скипетромъ священнымъ
Ударилъ по хребту и раменамъ согбеннымъ.
Подъ тяжестью руки приникъ Ѳерситъ къ земли,
И слезы изъ очей неволей истекли;
Явилась на хребтѣ вдругъ опухоль багрова
Ѳерситъ возсѣлъ, страшась прещенія сурова;
Онъ слезы отиралъ угрюмо зря на всѣхъ,
И рать унылую склонилъ собой на смѣхъ.
Тамъ каждой говорилъ сѣдящему съ собою:
„По истиннѣ Улиссъ, совѣтовъ глубиною,
„И въ бранехъ мужествомъ великъ и славенъ былъ;
„Но вящши днесь хвалы достойно заслужилъ,
„Смиря безстыднаго и злостнаго витію;
„Не мню, чтобъ впредь Ѳерситъ подъялъ безумно выю,
„И хульныя уста отверзъ противъ Царей.

Таковъ былъ слышанъ гласъ отъ ревностныхъ мужей.

Но скиптръ держа возсталъ Улиссъ градорушитель,
Минерва близь его, какъ смертный возгласитель.
Повелѣваетъ всѣмъ безмолвствовать, молчать,
Да могутъ преднїе и дальнїе внимать
Вѣщанїемъ его, совѣтамъ неоскуднымъ.
Молчатъ; Улиссъ гласитъ съ благоразумьемъ чуднымъ:
,,Предъ всей подсолнечной, тебя, о Царь Атридъ!
,,Въ безчестїе облечь Ахейска рать спѣшитъ;
,,Изъ Аргоса идя клялись тебѣ всѣ вои
,,Не возвращаться вспять, не свергнувъ пышной Трои;
,,Но днесь обѣтовъ сихъ исполнить не хотятъ;
,,Подобясь слабостямъ и вдовъ и нѣжныхъ чадъ.
,,Рыдаютъ межъ собой желая возвратиться.
,,И правда! тяжко имъ надеждою томиться,
,,И долговременно своей не зрѣть страны:
,,Иной бо отлучась отъ нѣжныя жены
,,И тридцать дней ее не зря, уже рыдаетъ,
,,Коль море бурное и вихрь не дозволяетъ
,,Нестися въ кораблѣ ему въ желанный домъ;
,,А мы девятый годъ воюемъ со врагомъ.
,,Прощаю убо я полкамъ печаль досады:
,,Но какъ! толь велїй трудъ явится безъ награды.
,,И время истощивъ побѣгнемъ мы вотще?
,,О друзи! бодрствуйте помедлите еще,

„Да вѣмы, истинноль все Калхасомъ реченно.
„Въ скрыжалѣхъ бо сердецъ у насъ напечатлѣнно,
„И Вы, что жизнь свою отъ пагубъ соблюли,
„Свидѣтели тому, какъ наши корабли
„Предъ симъ стекалися въ пристанище Авлиды,
„Неся Троянамъ месть за тяжкія обиды,
„И какъ на олтаряхъ источника мы вкругъ
„Стотельчны жертвы жгли, боговъ склоняя слухъ,
„Гдѣ сѣнью прохлаждалъ насъ кленъ весьма тѣнистый,
„Изъ подъ корня лія струи прозрачны, чисты;
„То чудо странное открылося предъ взоръ:
„Съ червленымъ бо хребтомъ изъ подолтарныхъ норъ
„Престрашный змій самымъ Зевесомъ извлеченный
„Използъ, и вскорости востекъ на кленъ священный,
„И врабьихъ осмь птенцовъ на самой высотѣ,
„Во многолиственной лежащихъ густотѣ
„Пожралъ безъ жалости, жерломъ зїяя гладнымъ;
„Ихъ мать носясь вокругъ полетомъ безотрадным̆ъ
„Кричала съ томностью, но змій ея крыло
„Схватя, пустилъ ее въ несытое жерло,
„Пожралъ, но вдругъ сего ужаснаго дракона
„Предивнымъ знаменьемъ намъ сынъ являетъ Крона,
„Во камень бо его внезапно превратилъ;
„Мы зримъ сїе, мы зримъ, и ужасъ насъ покрылъ:

„Но Калхасъ приступя, пророчески вѣщаетъ:
„Что такъ безгласны вы, и что вашъ духъ смущаетъ?
„Многосовѣтный Зевсъ чрезъ знаменье сіе
„Являетъ намъ судебъ грядущихъ бытіе:
„Пріиметъ позднъ конецъ нашъ подвигъ сей кровавой,
„Но увѣнчаетъ насъ безсмертной въ смертныхъ славой.
„Сколь змій пожралъ птенцовъ и съ матерію ихъ,
„Толико будемъ лѣтъ въ трудѣ противу злыхъ,
„Но въ годъ десятой мы ихъ градъ повергнемъ долу.
„Намъ тако жрецъ вѣщалъ, и по сему глаголу
„Свершается судьба, и щастье намъ течетъ
„Пребудемъ убо здѣсь, доколѣ врагъ падетъ.
Умолкъ; народы всѣ на рѣчь его соплещутъ,
Твердыни кораблей отъ грома хвалъ трепещутъ.
Но Царь Пилосскихъ странъ воставши, рекъ полкамъ:
„Непомышляющимъ о бранѣхъ отрокамъ
„Подобясь, тщетные сплетаете совѣты;
„Что будутъ наши всѣ и клятвы и обѣты?
„Что подвиги, труды и тщанія мужей?
„Что вѣрность твердая, олтарныхъ блескъ огней?
„Или исчезло все съ вонею жертвъ несчетныхъ?
„Враждуемъ всуе мы успѣнъ избыткомъ тщетныхъ:
„Сколь ни пребудемъ здѣсь; но къ прекращенью бѣдствъ,
„Мы въ словопрѣніяхъ снискать не можемъ средствъ.

„Атридъ! ты въ прежнїй духъ облекшися Геройски
„Безтрепетно веди на сопостатовъ войски;
„И естьли нѣкїе отселѣ удалясь,
„Противно мыслятъ намъ, бѣжати въ домы тщась,
„Не буди скорбенъ: ихъ совѣтъ не совершится,
„Доколѣ явственно для Грековъ не явится
„Правдивъ, иль ложенъ намъ обѣтъ отца боговъ:
„Я помню оный день, какъ съ отческихъ бреговъ
„Вошли мы въ корабли, неся врагамъ отмщенье,
„То намъ Зевесъ послалъ благое извѣщенье,
„Стремя въ десной странѣ молнїеносный громъ.
„И такъ никто изъ насъ да не спѣшитъ въ свой домъ,
„Не получа въ свою Троянки лѣпой долю;
„Дабы отмстить чрезъ то Еленину неволю:
„Ктожъ хочетъ вспять бѣжать, десницу пусть прострѣтъ
„На черный свой корабль; и смерть его пожретъ:
„Агамемнонъ ты будь для насъ добросовѣтенъ;
„Но буди и другихъ словамъ благоувѣтенъ:
„Не тщетно я реку, устамъ моимъ внемли:
„Ты рать на племена и роды раздѣли,
„Да племя племени поможетъ, родъ же роду;
„Коль тако сотворишъ и угодишъ народу;
„Кто храбръ изъ ратниковъ, неустрашимъ въ вождѣхъ
„Кто подлъ изъ нихъ и слабъ, ты узришъ явно всѣхъ.

„Познаешъ, небо ли прешитъ низвергнуть Трою,
„Иль неискусшвомъ мы своимъ тому виною.
Атридъ ему въ отвѣтъ: „Влїянною съ небесъ
„Ты всѣхъ превыше здѣсь премудростью словесъ;
„О Зевсъ, и свѣтлый Фебъ, и грозная Паллада,
„О естьли бы дана была отъ васъ награда
„Мнѣ десять таковыхъ въ премудрости мужей!
„Давнобъ Прїамовъ градъ во власти былъ моей:
„Но Кроновъ сынъ мнѣ грудь печальми упояетъ,
„Онъ зѣльныя вражды межъ нами устрояетъ:
„За юну плѣнницу я прю съ Ахилломъ велъ;
„И правда! отъ меня сей пламень возгорѣлъ:
„Но впредь, коль будемъ мы союзны и согласны,
„Не медля врагъ падетъ во пагубы ужасны.
„Теперь спѣшите снѣдь прїять, готовясь въ брань;
„Пусть рать мечи остритъ, щиты готовитъ въ длань,
„Пусть кони пищею довольной укрѣпятся,
„И снасти колесницъ въ готовности явятся,
„Дабы весь день сдержать намъ Марсовъ жаръ и страхъ:
„Отдохновенїя не будетъ на поляхъ,
„Доколѣ ночи мракъ нашъ трудъ прерветъ военный,
„Днесь потомъ щитъ и шлемъ пребудутъ упоенны,
„Отъ грозныхъ копїй днесь изсякнетъ мочь десницъ,
„Покроетъ потъ коней подъ игомъ колесницъ.

„Но кто восхощетъ днесь, трудовъ чуждаясь бранныхъ,
„Остаться въ корабляхъ, возлечь въ шатрахъ желанныхъ,
„Тотъ смертїю умретъ, корыстью будетъ псамъ.
  Онъ рекъ, Ахейцы гласъ возносятъ къ небесамъ.
Такъ сонмы волнъ шумятъ носимы вихрей спором,
И раздробляяся о камень въ бѣгствѣ скоромъ.
  Посемъ востали всѣ, къ шатрамъ своимъ спѣшатъ,
И возгнѣщаютъ огнь, и утоляютъ гладъ.
Тамъ каждой божеству, собой отмѣннно чтиму
Приноситъ жертвенъ даръ, мольбу неутомиму,
Чтобъ Марсова меча избѣгнуть въ днешнїй день,
Не погрузитися на вѣки въ смертну сѣнь:
Но самъ Атридъ Царя боговъ многосовѣтна
Закланїемъ тельца чествуетъ пятилѣтна,
Призвавши для сего избраннѣйшихъ Князей:
Въ нихъ первый Несторъ былъ, по немъ Идоменей,
Аяксы послѣ ихъ, и сынъ Тидеевъ сильный,
И наконецъ Улиссъ совѣтами обильный;
Но храбрый Менелай для сихъ трудовъ и дѣлъ
Ко брату своему и незовомъ пришелъ.
Стоятъ вокругъ тельца, держа ячмень священный;
Атридъ ко Зевсу гласъ вознесъ неухищренный:
„О царь! превыше звѣздъ имущїй свой престолъ,
„И полняй славою и небеса и долъ,

„Благоволи, чтобъ я, доколѣ свѣтлы очи
„Не скроетъ въ Понтѣ Фебъ, и мракъ прострется ночи,
„Прїамовъ пышный градъ низринулъ въ долъ мечемъ,
„Чертоговъ же его врата сожегъ огнемъ;
„И Гекторову грудь со твердою бронею
„Расторгнулъ мечь, вонзенъ десницею моею,
„И пусть вокругъ его Троянскїе полки
„Падутъ на прахъ земной отъ Греческой руки.
Онъ рекъ: но Кроновъ сынъ желанїю не внемлетъ;
Едину жертву онъ Атридову прїемлетъ;
Готовя новый трудъ и злы ему судьбы.
Когда же теплы ихъ свершилися мольбы;
Ячменемъ съ солїю телецъ уже святится,
И съ выею глава подъята къ небу зрится;
И кровь его течетъ по острїю ножа;
Посемъ они его со тщаньемъ обнажа,
Дебелы лядвїя немедля отсѣкаютъ,
И тукъ въ сугубый рядъ на оный возлагаютъ,
Поверхъ его кладутъ мяса частей другихъ,
И жгутъ на пламени древъ тонкихъ и сухихъ;
Когда же пламенемъ всѣ лядвїя истнились
И внутренность вожди вкусивши, усладились;
Останки прочихъ мясъ на части раздробивъ,
На острые рожны ихъ тщательно вонзивъ,

Готовятъ въ снѣдь огнемъ, рачительно имъ внемлютъ,
И зря въ готовности, съ рожновъ искусно снемлютъ.
Скончавъ сїи труды устроить пиръ спѣшатъ,
Гдѣ сердце питїемъ и брашномъ веселятъ;
Всѣ равенствомъ частей они довольны были;
Посемъ, какъ гладъ уже и жажду утолили,
То Несторъ мудростью цвѣтущи въ нихъ гласитъ:
„Великїй Царь мужей, божественный Атридъ,
„Не будемъ истощать на тщетны рѣчи время,
„И поспѣшимъ подъять судьбою данно бремя,
„Вели глашатаямъ созвать всю рать на брегъ,
„И сами чрезъ полки стремя поспѣшный бѣгъ,
„Пойдемъ, дабы своимъ присутствїемъ, рѣчами
„Скорѣе ополчить Ахейцовъ въ брань съ врагами.
Атридъ покорствуя глаголамъ таковымъ,
Велитъ немедлѣнно глашатаямъ своимъ,
Да громомъ гласа рать ко брани призываютъ,
Они гласятъ; полки отвсюду поспѣшаютъ.
Съ Атридомъ же вожди носясь изъ строя въ строй,
Уготовляютъ ихъ со ревностїю въ бой,
Особо каждой родъ и племя ополчая.
Минерва славою небесною блистая,
Снисходитъ отъ небесъ, стремится въ сихъ полкахъ,
Непобѣдимый свой Эгидъ нося въ рукахъ;

Сей драгоцѣнный щитъ, безсмертный и нетлѣнный,
Гдѣ кисти хитростью златые соплетенны
Блистаяся висятъ, числомъ же сто рядовъ,
И каждой оный рядъ цѣною сто тельцовъ.
Сей щитъ нося, лїетъ въ сердца любима войска
Духъ крѣпости и силъ, духъ мужества геройска:
Уже имъ грозна брань прїятнѣе стократъ,
Чѣмъ къ собственной землѣ на корабляхъ возвратъ.
Какъ пламенемъ лѣса на высотахъ горящи,
Во окрестны мѣста разносятъ свѣтъ блестящїй
Такъ блескъ оружїя и мѣдяныхъ броней
До облакъ восходилъ сїяющей стезей.
Какъ сонмы лебедей, или гусей крикливыхъ,
Асїя на лугахъ прекрасныхъ и щастливыхъ
Летаютъ веселясь, Каистра при струяхъ,
И низпустясь съ высотъ на радостныхъ крилахъ,
Садятся на земли во множествѣ великомъ,
И наполняютъ лугъ пространный зельнымъ крикомъ:
Ахейска тако рать изъ кораблей, шатровъ
Течетъ на прелести Скамандриныхъ луговъ;
Подъ конскимъ топотомъ, и сильныхъ подъ стопами
Земля дрожитъ, стеня со ближними горами.
Уже они въ поляхъ стоятъ ополчены,
Равняяся числомъ цвѣтамъ драгой весны.

Какъ мухи съ жадностью, и множествомъ безъ счета
Вкругъ хижинъ пастырскихъ во время знойна лѣта
Летаютъ, естьли тамъ приманчива млека
Въ сосуды излилась обильная рѣка:
Такъ сонмы Гречески ужасны ополченьемъ,
Стоятъ въ поляхъ дыша противъ Троянъ отмщеньемъ.
Тамъ каждой вождь своихъ толь скоро отличалъ,
И въ надлежащій строй искусно учреждалъ,
Сколь легко пастырь козъ со дружними смѣшенныхъ;
Распознаетъ всегда на паствахъ утучненныхъ;
Среди же ихъ Герой божественный Атридъ,
Въ лучахъ величества неизреченный видъ,
Очами и главой подобенъ сыну Крона,
Когда онъ мещетъ громъ съ незыблемаго трона,
Но Марсу чреслами и возрастомъ своимъ,
Нептуну персями, и силой обоимъ.
Каковъ телецъ въ стадахъ обильно упитанныхъ,
Таковъ является Атридъ въ мужехъ избранныхъ:
Зевесъ его въ сей день возвысилъ, озарилъ,
И блескомъ прочихъ блескъ Героевъ помрачилъ.
 О Музы въ испренниxъ селеніяхъ живущи!
Извѣстны вы о всемъ, повсюду вы присущи,
Но смертныхъ слабый умъ не вѣдаетъ всего,
И слѣдуетъ стопамъ онъ слуха одного,

Повѣждте убо мнѣ вождей Ахейской рати:
Простыхъ бо воиновъ подробно исчисляти
Нѣтъ силъ, и признаюсь, не возмогу отнюдь,
Хотя бы мѣдяну имѣлъ я тверду грудь,
И десять языковъ и столько же гортаней,
Не утомимый гласъ къ вѣщанью грозныхъ браней:
Коль не изчислите вы сами всѣхъ племенъ,
Пришедшихъ разрушать Пергамскихъ твердость стѣнъ:
Едины убо я суда Элладскихъ строевъ
Изчислю, нареку начальныхъ въ нихъ Героевъ.
Пенлей, Арцезилай, Проѳоеноръ, Леитъ,
И Клонїй ревностныхъ Беотянъ въ брань стремитъ,
Что жили въ Гирїѣ, въ Авлидѣ каменистой,
Во Схилѣ, Сколосѣ, въ Этеонѣ гористой,
Во Греѣ, Ѳестїи, Микалесса въ поляхъ,
Въ Илезѣ, Элиэрахъ, и Арма на лугахъ,
Во Гилѣ, Птеонѣ, изящномъ Элеонѣ,
И во Окалеѣ, и въ крѣпкомъ Медеонѣ,
Во Копахъ, и среди Эвтризинскихъ полей,
И въ Ѳизвѣ, множествомъ обильной голубей,
Во многопаственномъ Альяртѣ, Коронеѣ,
Въ твердыняхъ новыхъ Ѳивъ, въ Гликантѣ и Платеѣ,
Въ Онхестѣ, пышной гдѣ Нептуновъ храмъ стоитъ,
Во Арнѣ, Дїонисъ гдѣ виноградъ раститъ,

Въ Мидеѣ, наконецъ во Ниссѣ освященной,
Въ Анѳидонѣ, изъ всѣхъ послѣдней, отдаленной.
Сїи всѣ пятдесятъ имѣли кораблей,
И въ каждомъ кораблѣ сто двадесять мужей.

Но Ялменъ, Аскалафъ, которыхъ Марсъ свирѣпой,
Имѣлъ отъ нѣжностей съ Астиохеей лѣпой,
Рожденной Акторомъ Азидовымъ плодомъ:
Зане сей богъ ея прїятностьми влекомъ,
Въ дому ея отца съ ней тайно сообщился,
И Ялменъ, Аскалафъ отъ сей любви родился;
Они вели на брань тѣхъ Беотїйскихъ чадъ,
Которы Орхоменъ Минїевъ славный градъ,
И пышный Аспледонъ во области имѣли
И въ тридцати судахъ ко Троѣ прилетѣли.

Эпистрофъ и Схедїй, Навволлъ которымъ дѣдъ,
И коихъ произвелъ Ифитъ прехрабрый въ свѣтъ,
Фокеянъ бодрственно ко брани ополчали,
Что во Кипариссѣ, и Криссѣ обитали,
Въ Давлидѣ, Ямполѣ, и Пиѳона въ горахъ,
Во Анеморїи, Панопѣ, и въ лугахъ,
Дающихъ злакъ близь струй Цефиссы освященной,
Въ Лилеи, гдѣ истокъ рѣки сея почтенной.
Ихъ сорокъ кораблей несли на страхъ войны,
Ихъ станъ Беотянъ близь былъ съ шуей стороны.

Аяксъ въ теченьи скоръ, сынъ храбра Оилея,
Не столь великъ, не столь и мужества имѣя,
Сколь Теламоновъ сынъ Аяксъ Аргивцовъ щитъ;
Онъ малъ и льняною бронею былъ покрытъ,
Но ни единъ во всѣхъ полкахъ не обрѣтался,
Ктобъ лучше копїемъ, какъ воинъ сей, сражался,
Вождемъ Локрїйцамъ былъ, что Каллїаръ, Скарфисъ,
И Опосъ, и Киносъ, и Виссу, и Тарфисъ,
И любоплодную Авгїю населяли,
И Ѳронїй, гдѣ струи Воагра протекали.
Онъ сорокъ кораблей съ Локрїйцами привелъ
Что простиралися Эввеянъ за предѣлъ.
Авантамъ бодрственнымъ живущимъ во Эввеѣ,
Въ Халцидѣ, и виномъ обильной Истїеѣ,
Въ приморскомъ Кириноѣ, въ твердыняхъ гордыхъ стѣнъ,
Что окружаютъ градъ Дїосомъ нареченъ;
Во Стирѣ, Каристѣ, въ Илетрїи пречудной,
Безстрашный Эльфеноръ предшелъ ко брани трудной,
Вѣтвь Марса грознаго, и Халкодоновъ сынъ;
Онъ былъ народовъ сихъ и князь и вождь единъ;
Они спреди власовъ нимало не имѣя,
И жаромъ бодрости отличной пламенѣя,
Не мещутъ дротиковъ, но близъ, и копїемъ
Разятъ противну грудь въ безстрашїи своемъ;

И сорокъ кораблей тягча они собою,
Чрезъ волны пренеслись, чтобъ рушить горду Трою.
Но жителямъ Аѳинъ, гдѣ царствовалъ Эрхѳей,
Туземецъ, мужъ благїй, великъ своей душей,
Эгидоносною Минервой воскормленный
И ею въ храмъ ея божественъ провожденный,
Гдѣ чрезъ претекшее число извѣстныхъ лѣтъ
Сей пышный градъ ей въ честь тельцовъ и агнцовъ жретъ;
Мнесѳей Петеевъ сынъ предтечей былъ ко брани,
Премудро ополчивъ ихъ мужественны длани:
Кромѣ бо Нестора искусный сей Герой,
Всѣхъ лучше учреждалъ полки во бранный строй,
И съ Аѳинейскими отважными мужами
Пятьюдесятью онъ принесся кораблями.
Изъ Саламина же Аяксъ, мужъ славныхъ дѣлъ
Двенадцать кораблей съ подвижники привелъ,
И въ рядъ поставилъ ихъ близъ кораблей Аѳинскихъ.
Народамъ, что Аргосъ и крѣпость стѣнъ Тиринѳскихъ,
Асинъ и Эрмїонъ, глубокїй гдѣ заливъ,
Трезенъ и Эпидавръ вина плодомъ щастливъ,
Эгину, Эїонъ, Масету населяли,
Безтрепетны вожди ко брани предтекали:
Троянской рати страхъ прегрозный Дїомидъ,
И Капанеевъ сынъ Сѳенелъ презнаменитъ,

И третїй, Эврїалъ, Герой безсмертнымъ равный,
Талая внукъ и сынъ Микистея преславный;
Но главнымъ Дїомидъ вождемъ былъ сихъ мужей,
И осмдесятъ привелъ онъ черныхъ кораблей.
Но жители Миценъ изяшныхъ, укрѣпленныхъ,
Коринѳа, Орнїевъ, и Клеонъ утвержденныхъ,
Эреѳирея, что въ весельи многомъ цвѣлъ,
Сицїоны, Адрастъ гдѣ первый тронъ имѣлъ,
И Гиппере̇зїи, Эгїоса, Пеллены,
Гоноессы, что ввыспрь подъемлетъ горды стѣны,
И всей приморскїя пространныя страны,
И чѣмъ Эликскїе луга окружены;
Сїи всѣ жители сто кораблей имѣли,
И бодрымъ мужествомъ безстрашны пламенѣли,
Ихъ вождь Агамемнонъ величественъ, почтенъ,
И лучезарною бронею облеченъ,
Являлся славою превыше всѣхъ Героевъ,
Какъ мужъ безтрепетный и вождь множайшихъ строевъ.
Имущи гордый Фаръ во участи своей,
И Мессу, что плодитъ обильно голубей,
Лакедемонъ, и съ нимъ любезную Авгїю,
Пространство Спарты всей и радостну Врисїю,
Амиклы и Элосъ на взморїи стоящъ,
И Лау, Итилонъ плодами веселящъ;

Шестьюдесятьми въ брань неслися кораблями,
Ихъ вождь былъ Менелай блистающъ межъ полками,
Особо рать свою отъ братней отдѣля,
Онъ поощрялъ ее на Марсовы поля,
Дабы отмстилася прелестная Елена,
И томны горести ея нещастна плѣна.

Съ премудрымъ Несторомъ подъ Трою притекли
Девятьдесять судовъ отъ странъ тоя земли,
Гдѣ Пилосъ, и Ѳрїонъ, со мѣлїю Алѳїя,
Арена градъ утѣхъ, Эпи, Амфигенїя,
Кипарисентъ, Элосъ, и пышный Птелеонъ,
И Музъ побѣдою извѣстный Дорїонъ:
Онѣ бо въ мѣстѣ семъ Ѳамира знаменита,
Отъ Ехалїйскаго царя тогда Эврита,
Идущаго узрѣвъ, подвергли злой судьбѣ;
Зане онъ съ гордостью мечтая о себѣ
Хвалился, что своихъ прїятныхъ пѣсней тономъ
Превыситъ самыхъ Музъ, учимыхъ Аполлономъ;
Богини раздражась, и местїю своей
Лишили буяго и гласа и очей;
Содѣлали при томъ дабы любезна лира
Забвенною во вѣкъ осталась отъ Ѳамира.

Но подъ Целленскою въ Аркадїи горой,
Гдѣ гробнымъ каменемъ покрытъ Эпитъ Герой,

Въ Финеи, въ Страцїи, и въ Рипѣ всѣмъ живущимъ,
И Орхоменъ въ своемъ участїи имущимъ
Питающъ на поляхъ несчетныя стада,
Энипу, вихрями смущаему всегда,
Селенїе любви веселу Мантинею,
Стимфелъ, Парасїю, и радостну Тегею;
Анцеевъ сынъ на брань Агапеноръ предшелъ,
И шестьдесятъ судовъ подъ Трою онъ привелъ,
И въ каждомъ кораблѣ земель сихъ многи чада
Давно привыкшїе къ войнѣ, къ осадамъ града;
Но кораблями ихъ Агамемнонъ снабдилъ:
Не пщались бо они морскихъ о нуждѣ силъ.

Народъ Вупрасїя, Элиды вознесенной,
Страны межъ Ирминой, Мирсиномъ заключенной,
Межъ Оленїйскою, Алїйскою горой,
Четыредесять въ брань судовъ привелъ съ собой,
Тягчимыхъ бодрыми Эпейскими мужами
И управляемыхъ искусными вождями:
Въ нихъ первый Амфимахъ Креатовъ славный плодъ,
По немъ Эвритовъ сынъ, Ѳалпїй въ войнѣ оплотъ,
Но оба храбраго Актора бодры внуки;
По нихъ же Дїоресъ честь Марсовой науки.
Амаринцидовъ сынъ, и съ ними Поликсенъ
Царя Авгида внукъ Агасѳеномъ рожденъ

Но изъ Дулихія, изъ островов священныхъ,
И Есхинадами издревле нареченныхъ,
Лежащихъ моря скрай Элиды на противъ,
И въ море падаетъ гдѣ Ахилой щастливъ,
Пришедшимъ племенамъ былъ Мегесъ, сынъ Филея
Предтечей въ бой, какъ Марсъ убивствомъ пламенѣя;
Отецъ его Филей Царемъ боговъ любимъ,
Родителемъ своимъ неправедно гонимъ,
Въ Дулихій нѣкогда изъ отчества пришелъ;
Сей Мегесъ сорокъ въ брань судовъ съ собой привелъ.
Улиссъ премудрости, благихъ совѣтовъ полный
Двенадцать кораблей привелъ чрезъ шумны волны,
Въ нихъ Кефалоняне, Иѳакскій въ нихъ народъ,
Многолѣсистаго Нирита бдящій родъ
И родъ Кроциліи, Эгилипы неравной,
И гдѣ Зацинѳъ, Самосъ, рожденьемъ Иры славной;
И родъ всей твердыя, что прямо ихъ, страны:
Племенъ же сихъ суда красно разпещрены.
Этоляне, народъ живущій во Плевронѣ,
Въ приморской Хальцидѣ, въ гористомъ Калидонѣ,
Въ Пиленѣ, Оленѣ веселія въ градахъ;
Въ четыредесяти неслися корабляхъ;
И Андремоновъ сынъ Ѳоасъ ихъ былъ главою:
Уже бо Оеней былъ скрытъ подъ смертной мглою,

И равно Мелеаргъ, дитя его отрадъ,
И всѣхъ другихъ соборъ его нещастныхъ чадъ
Но Крита, жители и Кносса, и Гортины,
Имущей вкругъ себя высокихъ стѣнъ твердыни,
И населяющи Ликастъ, и Ликтъ, Милетъ,
Ритій, и Фестъ, гдѣ многъ народъ всегда живетъ:
Всѣ племена, чѣмъ цвѣлъ сей Критъ превознесенный,
Имущій сто градовъ, обиленъ утучненный;
Собою осмьдесять тягчили кораблей,
Ихъ бодрый, сильный вождь былъ Царь Идоменей,
И Меріонъ, какъ Марсъ во гнѣвѣ грозной брани
Взносящъ противъ враговъ пагубоносны длани.
Надмѣнны Родяне, что щастіемъ гордясь,
И на три племена другъ съ другомъ раздѣлясь
Въ Камирѣ, Ялиссѣ, и Линдѣ обитаютъ,
Всѣ девять кораблей подъ Трою ополчаютъ;
Имъ былъ ко брани сей безтрепетнымъ вождемъ
Алкидовъ сильный сынъ, великій Тлиполемъ,
Любезный чрева плодъ Астіохеи лѣпой,
Котору сей Герой, Тиранновъ бичь свирѣпой
Изъ Эѳира, что близь Селлентовыхъ бреговъ
Плѣнилъ, повергнувъ тьмы цвѣтущихъ городовъ.
Но Тлиполемъ въ дому воспитанный высокомъ
Убивъ Лицимнія, нещастный! ненарокомъ,

Лицимнія, что былъ Алкменѣ кровный братъ,
Алкиду дядею, любезно имъ пріятъ:
Устроилъ корабли, собралъ себѣ народы,
Пустился съ ними въ бѣгъ чрезъ шумны моря воды;
Боясь прещенія и наказаній злыхъ
Отъ чадъ Алкидовыхъ, отъ братіевъ своихъ;
По многихъ бѣдствіяхъ къ Родосу онъ достигши,
И въ немъ желанное селеніе воздвигши,
Сопутниковъ своихъ въ три сонма раздѣлилъ,
И въ трехъ градахъ для нихъ жилища утвердилъ;
Ихъ подвиги, труды явилися нетщетны
Зевесъ имъ одолжилъ сокровища несчетны.
    Царя Харопа сынъ, Аглеинъ плодъ, Нирей,
Кромѣ Ахилла всѣхъ прекраснѣе мужей,
Нирей три корабля привелъ подъ горду Трою
Но онъ былъ слабъ, и рать немногу велъ съ собою.
    Но населяющи Крапаѳъ, и Касъ, Нисилъ:
Гдѣ прежде царствовалъ нещастный Эврипилъ,
Живущи въ островахъ, Калиднами зовомыхъ,
Всѣ въ тридцати судахъ съ отважностью несомыхъ
Летѣли чрезъ моря; вожди же ихъ полкамъ
Фидиппъ, и съ нимъ Антифъ носящій страхъ врагамъ
Рожденны Ѳессаломъ, Алкида сильна внуки,
Питомцы Марсовой кровавыя науки.

Изчисли Муза днесь Ахилловы полки,
Сотрудники его громовыя руки,
Народы жившіе Ѳессаліи въ Аргосѣ,
Въ Алопѣ, Трихинѣ, во Фтіи, и Алосѣ,
Въ Элладѣ, славимой красою нѣжныхъ женъ,
И заключавшися подъ именемъ племенъ
Ахейскихъ, Эллинскихъ, и Мирмидонскихъ равно,
Привыкшихъ разрушать оплотъ враждебный славно,
Въ пятидесяти въ брань неслися корабляхъ,
Герой, Ѳетидъ сынъ имъ былъ вождемъ въ поляхъ,
Но нынѣ мужествомъ ихъ духъ не ополчался:
Имъ къ шумной брани вождь уже не обрѣтался:
Ахиллъ въ своихъ шатрахъ высокихъ почивалъ,
За дѣву юну гнѣвъ онъ сердца внутрь питалъ;
Котору получилъ во мзду трудовъ жестокихъ,
Лирнессъ низвергнувши, и стѣны Ѳивъ высокихъ;
Эпистрофа, и съ нимъ Минета, храбрыхъ чадъ
Эвеновыхъ, пославъ мечемъ своимъ во адъ.
Се люта скорбь, чѣмъ грудь изяшна мужа вянетъ!
Но злѣйшій рокъ грядетъ, Герой отъ сна воспрянетъ.
Въ Филакѣ, въ Пиррасѣ, что жатвой утучненъ,
И класовъ матери Церерѣ посвященъ,
Въ Итонѣ радостномъ, овецъ стадами славномъ,
Въ приморскомъ Антронѣ, въ Птелеи многотравномъ

Живущи племена ко брани притекли,
И сорокъ кораблей съ собою привели;
Имъ прежде былъ вождемъ Протезилай изяшной,
Но заключенъ уже онъ въ узахъ смерти страшной;
Онъ первой съ корабля на вражїй брегъ скочилъ,
И первой злую смерть отъ Гектора вкусилъ,
Въ Филакѣ домъ, жену оставивши слезящу,
Подъ игомъ горестей, вдовичихъ бѣдъ стенящу:
Но страшна рать его не безъ вождя была,
И въ слѣдъ Подарцесу на грозну брань текла.
Сей вождь Ификловъ сынъ огнемъ войны пылая,
Филака внукъ, и братъ младый Протезилая,
Былъ воинъ мужественъ, но мужествомъ такимъ
Равнятися не могъ со братомъ онъ своимъ;
И такъ сїи полки хотя вождя имѣли;
Протезилая всѣ они еще жалѣли.
Противу озера Вивїйскаго Фересъ,
И Вива, и Глафиръ, Яолкъ, что верхъ вознесъ,
И твердостїю стѣнъ гордится укрѣпленныхъ,
Одиннадцать судовъ полками отягченныхъ
Послали въ грозну брань, вождемъ же ихъ Эвмилъ,
Котораго Адметъ державный породилъ,
Появъ себѣ въ жену прелестную невѣсту,
Дщерь Пелїасову божественну Альцесту.

Но населяющи Ѳавмацїю, Миѳонъ,
Меливїю, и съ ней гористой Олизонъ,
Седмь черныхъ кораблей подъ Трою ополчили,
И каждой пятьдесять мужей корабль тягчили,
Искусныхъ поражать враговъ своихъ стрѣлой;
Предтеча къ брани имъ былъ Филоктетъ Герой,
Пеанта храбра сынъ, стрѣлометатель чудный;
Но онъ тогда, терпя недугъ и скорби трудны,
Змѣинымъ жаломъ бывъ, нещастный уязвленъ,
Въ священномъ Лемнѣ жилъ печальми упоенъ,
Ахейской ратїю для немощи оставленъ,
Но скоро долженъ быть воспомянутъ, прославленъ.
Его полки скорбя, и сѣтуя о немъ
Медона бодраго имѣли въ брань вождемъ,
Плодъ тайныя любви Оилея и Рены,
Оилея, градовъ рушаща горды стѣны.
Но населяющи Иѳомъ презнаменитъ,
И Оехалїю, гдѣ былъ царемъ Эвритъ;
И Трикку славную имущїе подъ властью,
Всѣ тридцать кораблей снабдѣнныхъ крѣпкой снастью,
Вели на брань, дабы Прїамовъ рушить тронъ;
Имъ Подалиръ и съ нимъ великїй Махаонъ,
Искусные врачи, Асклипїевы чада,
Вождями были къ сей осадѣ пышна града.

Наслѣдіемъ себѣ имѣющій народъ
Орменіонъ, и съ нимъ Гиперскихъ токи водъ,
Притомъ Астерію, и горъ верхи Титанскихъ,
Велъ сорокъ кораблей къ твердынямъ стѣнъ Троянскихъ,
Предтечей былъ въ поля преславный Эврипилъ,
Эвемономъ рожденъ, и мужъ великихъ силъ.
Имущихъ участью Олооконъ, градъ бѣлый,
Аргиссу и Гиртонъ, Орѳенъ, Илонъ веселый,
Прехрабрый Полипитъ ведетъ въ кровавый бой,
Котораго родилъ сынъ Зевсовъ, Пиритой,
Отъ Гипподаміи прекрасной, знаменитой,
Въ тотъ день, какъ онъ сразилъ Центавровъ родъ не сытой,
Съ Пелійскія горы къ Эѳискимъ гнавъ горамъ:
Но Полипитъ симъ вождь былъ не одинъ полкамъ;
Участвовалъ ему, весь Марсомъ пламенѣя,
Короновъ храбрый сынъ Леонтисъ, внукъ Кенея.
И сорокъ кораблей они вели на брань,
Къ сраженію въ поляхъ готовя страшну длань.
Эніянъ, и притомъ Перевянъ родъ изяшной,
Живущій же вокругъ Додоны хладной, страшной,
И Титарезіи веселыя въ поляхъ,
Что устьемъ кроется въ Пенеевыхъ водахъ,
Не сочетаяся Кристальному Пенею
Поверхъ его течетъ подобяся елею:

Изъ Стикса бо ея начало первыхъ водъ,
Изъ Стикса, что богамъ есть страшной клятвы родъ:
Сихъ жителей Гоневсъ вооружилъ подъ Трою
Изъ Кифа двадцать два велъ корабля съ собою.
Магнитянъ, жителей, Пенеевыхъ луговъ,
И многовѣтвистыхъ Пилїонскихъ лѣсовъ,
Сынъ Тенѳредоновъ вождь, Проѳой быстротекущїй,
И сорокъ кораблей подъ гордый градъ имущїй.
Се князи и вожди всѣхъ Греческихъ мужей!
Содѣйствуй Муза днесь премудростью своей,
Повѣждь, кто мужествомъ въ сей рати превышаетъ,
Чьихъ быстрота коней всѣхъ прочихъ прелетаетъ?
Эвмилъ Ферескїй царь толь быстрыхъ, яко птицъ,
Привелъ на брань изъ всѣхъ двухъ лучшихъ кобылицъ,
Лѣтами, шерстїю и высотою равныхъ;
И на холмахъ они Пїерїи преславныхъ,
Носящимъ сребренъ лукъ Царемъ воскормлены;
Несли они въ поля страхъ Марса и войны.
Но Теламоновъ сынъ, Аяксъ между вождями
Цвѣлъ вящшимъ мужествомъ, и хвальными дѣлами,
Доколѣ гнѣвну желчь Ахиллъ въ себѣ питалъ;
Зане сей мужъ во всемъ Аякса превышалъ;
И лучшихъ онъ имѣлъ коней, чѣмъ у Эвмила;
Но мужество его тогда и грозна сила

Пылая мщенїемъ противъ вождя вождей,
Не устремлялась въ брань отъ черныхъ кораблей;
Его сподвижники на брегѣ забавлялись,
Въ метаньи круга, стрѣлъ и копїй упражнялись;
И кони сихъ полковъ близъ колесницъ драгихъ,
Покрытыхъ тщательно, стоятъ въ шатрахъ своихъ,
Травою злачною, и Лотосомъ питаясь,
И воплемъ Марсовымъ и шумомъ не смущаясь;
Ему подвластные безъ дѣйствїя вожди
Ходили въ сихъ полкахъ, нося печаль въ груди.
И се Ахейска рать ко брани поспѣшаетъ,
И лучезарный блескъ оружїя сїяетъ,
Подобно, какъ бы огнь долины поядалъ:
Подъ ними нутрь земли со трепетомъ стеналъ.
Какъ стонетъ нутрь горы тягчащїя Тифея
Среди Аримъ, гдѣ мнятъ быть гробъ сего злодѣя,
Коль яростью Зевесъ правдивою влекомъ
Стремитъ на верхъ ея молнїеносный громъ:
Такъ ратниковъ стопы землею потрясали,
Спѣшатъ, но съ вѣстїю исполненной печали
Ириду быструю, посланницу небесъ
Къ Троянамъ во градъ послалъ державный Царь Зевесъ;
Она Прїамовыхъ чертоговъ предъ вратамм
Зря старцевъ, и мужей цвѣтущихъ зря лѣтами,

Творящихъ купно всѣхъ совѣтъ во оный часъ,
Пріемлетъ Полита Пріамля сына гласъ,
Что быстротою ногъ отважень и прославлень,
Былъ стражемъ отъ Троянъ внѣ города поставленъ,
Чтобъ съ Эзїетова холма всегда взирать,
Какъ двигнется въ поля Ахейска бурна рать:
Сего прїявши гласъ, и ставъ собранья въ ликѣ,
Рекла посланница Пергамскому владыкѣ:
„Прїамъ! твой тщетная всегда языкъ гласитъ;
„Не миръ желанный днесь; брань грозна настоитъ;
„Я часто былъ въ поляхъ среди мужей военныхъ,
„Но я не зрѣлъ полковъ толь сильно ополченныхъ:
„Подобна листвїямъ, или песку морей
„Стремится рать близъ стѣнъ сражать твоихъ мужей;
„О Гекторъ! рѣчь къ тебѣ я паче всѣхъ склоняю,
„Сверши нелѣностно, что днесь повелѣваю:
„Во градѣ многи суть союзные полки,
„Сподвижники твоей безтрепетной руки,
„Глаголющїе здѣсь языкомъ всѣ различнымъ,
„Вели, да каждой вождь съ безстрашїемъ обычнымъ
„Устроитъ рать свою, и на поля грядетъ.
Рекла, и Гекторъ рѣчь богини познаетъ;
Спѣшитъ, и воины къ оружїю стремятся;
Уже Пергамски всѣ врата отверсты зрятся;

Изъ нихъ и всадники и пѣшїе текутъ,
И страшный вопль и шумъ до облаковъ несутъ.
Предъ градомъ зрится холмъ Троянами избранный,
Со всѣхъ уклонный странъ, величиной пространный,
Онъ Ватїей въ земныхъ зовется племенахъ,
Но гробомъ быстрыя Миринны въ небесахъ;
На немъ союзники, и точны Трои чада,
Раздѣльно стали въ строй къ защитѣ сильна града.
Троянамъ Гекторъ вождь, носящъ блистающъ шлемъ,
Мужъ бранныхъ подвиговъ пылающїй огнемъ;
Числомъ и храбростью полки его престрашны,
Копьемъ разятъ враговъ, и въ бодрости изяшны.
Эней Анхизовъ сынъ, Венеры нѣжной цвѣтъ,
Что Иды на холмахъ произвела на свѣтъ,
Акамасъ, Архилохъ рожденны Антеноромъ,
Вожди сїяющи неустрашимымъ взоромъ,
Оружьми всякими искусны поражать,
Уготовляютъ въ бой Дарданцовъ сильныхъ рать.
Въ богатой Зелїи подъ Идою живущихъ,
Отъ струй глубокаго Эзепа воду пьющихъ,
Преславный Пандаръ въ брань искусно ополчалъ;
Ему самъ Фебъ и лукъ и стрѣлы быстры далъ.
Селенїе свое имущимъ въ Адрастеѣ,
Въ Алезѣ, Питїи, и на горѣ Тиреѣ

Предшествовалъ Адрастъ, и Амфїй знаменитъ,
Бронею льняною нещастливый покрытъ:
Они отъ Меропса Перкотска порожденны,
Что прорицателей всѣхъ паче просвѣщенный
Старался ихъ отвлечь отъ пагубной войны;
Но что! совѣты всѣ вотще истощены:
Зане предписана смерть рокомъ неизбѣжнымъ
Премудраго отца толико чадамъ нѣжнымъ.

Въ Перкотѣ жившїе и Пракцїи въ лугахъ,
Въ Аризвѣ, что стоитъ Селлента на брегахъ,
Во Систѣ, Авидѣ обильной тучнымъ злакомъ,
Асїя бодраго, рожденнаго Гиртакомъ
Предтечею себѣ имѣли въ грозный бой:
Аризвы изъ твердынь изяшный сей Герой,
Отлично сильными и страшными конями,
Пренесся во Пергамъ, чтобъ ратовать съ врагами.

Пелазгическїй родъ, копьемъ разящъ въ войнѣ,
Лариссы тучныя живущїй во странѣ,
Пилей и Гиппоѳой Тевтама сильна внуки
Рожденны Лиѳомъ въ свѣтъ для Марсовой науки,
Вооружали въ брань противъ своихъ враговъ.

Акамасъ и Пирой враждебныхъ страхъ полковъ
Фракїянъ бодрственныхъ отважно ополчали,
Что Геллеспонта близъ шумяща обитали.

Эвфемъ же Кеевъ внукъ, Трезена славный плодъ
Ведетъ въ кроваву брань Циконянъ сильныхъ родъ.
Пирехмъ, что отъ страны пришелъ во Трою дальной,
Отъ Амидоны, гдѣ Аксїй течетъ кристальной,
И сладостной водой поля вездѣ кропитъ,
Пирехмъ во пагубный Пеонянъ бой стремитъ,
Что дротики ремнемъ къ десницѣ прикрѣпляютъ,
Разятъ враговъ и вспять немедля отвлекаютъ.
Но изъ Энетскихъ странъ, гдѣ много мсковъ лѣсныхъ
Безстрашный Пилеменъ на сопостатовъ злыхъ
Велъ Пафлагонянъ въ брань лїющихъ пламень взоромъ;
Они и Сисамомъ владѣли, и Киторомъ,
Брегами, что кропитъ Парфенїя собой,
Гдѣ грады пышные гордятся высотой,
И Кромна и при ней Эгїала твердыни,
И каменистые высоки Эриѳины.
Ализонянъ, что въ брань отъ дальнїя земли
Аливы, ревностно на помощь Трои шли,
Аливы, гдѣ сребра обилїемъ гордятся,
Эпистрофъ и Одїй стремить на поле тщатся.
Но Хромисъ и Енномъ Мисїянамъ вожди:
Енномъ пророчествъ духъ нося въ своей груди
Не могъ предвѣденьемъ избѣгнуть смерти злостной,
Низвергъ его во гробъ Ахиллъ побѣдоносной,

Въ струяхъ, гдѣ сей Герой могуществомъ руки
Разилъ Троянъ и ихъ союзные полки.

Отъ дальнихъ же краевъ Асканїи священной,
Асканїи и Форцисъ Беллоной ободренной
Фригїянъ ревностно уготовляютъ въ брань,
Желая всѣмъ явить, сколь ихъ ужасна длань.

Живущихъ при горѣ Меонянъ грозныхъ Тмолѣ
Антифъ и Месѳлъ стремятъ на браноносно поле,
Родилъ же Пилеменъ сихъ бодрственныхъ вождей,
Гигейска езера красу и честь мужей:

Карїйски племена, сей родъ груборѣчивый
Селенїемъ Милетъ имущъ себѣ щастливый,
Фтирїйскїя горы обилїе лѣсовъ,
Меандровы брега со злачностью луговъ,
И Микалескихъ горъ хребты превознесенны,
Амфимахъ и Настисъ Номїономъ рожденны
Вооружали въ брань, къ защитѣ гордыхъ стѣнъ;
Амфимахъ златомъ былъ, какъ дѣва отягченъ;
Безумный, могъ ли онъ симъ рокъ отринуть гнѣвный!
Ахилломъ онъ сраженъ, нисшелъ во мракъ плачевный,
При брегѣ Ксанфовыхъ быстротекущихъ водъ,
И злато взялъ въ корысть Ѳетидинъ славный плодъ.

Великїй Сарпедонъ, и Главкъ, Герой прехвальной
Предтечи тѣхъ племенъ, что изъ Ликїи дальной,
Гдѣ воды Ксанѳовы съ прозрачностью текутъ,
И на луга струи прохладные лїютъ.
